

«Лизе Таддео заказали “какой-нибудь нон-фикшн про секс”. Она нашла трех женщин с разным сексуальным опытом. И превратила их истории в литературный шедевр. В конце вам покажется, что она написала про вас».

ДЖОДЖО МОЙЕС

три 18+ ЖЕНЩИНЫ

ЛИЗА
ТАДДЕО

ГЛАВНАЯ
КНИГА
ГОДА*

Три женщины. Бестселлеры Лизы
Таддео, которые обсуждает весь мир

Лиза Таддео

Три женщины

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Таддео Л.

Три женщины / Л. Таддео — «Эксмо», 2019 — (Три женщины. Бестселлеры Лизы Таддео, которые обсуждает весь мир)

ISBN 978-5-04-110397-2

Чего хочет женщина, когда хочет любви? Лина заводит любовника, потому что муж месяцами не прикасается к ней. Все, чего она хочет, – быть желанной. Мэгги по ночам переписывается со своим школьным учителем. Все, чего она хочет, – быть для кого-то особенной. Слоун занимается любовью с мужчинами, которых для нее выбирает муж. Все, чего она хочет, – не быть как все. Уникальное исследование женского желания, которое превратилось в литературный шедевр. Восемь лет три героини рассказывали о своем необычном сексуальном опыте, но нет ни одной женщины, которая не узнала бы в их историях себя.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110397-2

© Таддео Л., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Мэгги	12
Лина	18
Слоун	25
Мэгги	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лиза Таддео

Три женщины

Lisa Taddeo
THREE WOMEN

Copyright © 2019 by Woolloomooloo, LLC

© Новикова Т., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Фокс

Тот, кто посмотрит с улицы через окно на освещенную комнату, увидит гораздо меньше, чем тот, кто заглянет в окно, закрытое шторой. Нет зрелища более сокровенного и таинственного, более возбуждающего фантазию, более изощренного и завораживающего, чем окно, освещенное изнутри свечой. То, что можно увидеть снаружи при солнечном свете, не настолько интересно, как то, что происходит по другую сторону оконного стекла. Там, в этом черном квадрате или в его освещенной глубине, сама жизнь живет, мечтает и страдает.

Шарль Бодлер

От автора

Это невыдуманная история. За восемь лет я провела тысячи часов с женщинами – героинями этой книги: я общалась с ними лично, разговаривала по телефону, писала им сообщения и электронные письма. Дважды я переезжала в другие города, к моим героиням, и жила там, чтобы проникнуться их повседневной жизнью и понять ее. Многие моменты, описанные в этой книге, были пережиты мной лично. Но, если приходилось рассказывать о событиях прошлого или о том, чему мне не довелось быть свидетелем, я полагалась на воспоминания женщин, их дневники и письма. Я разговаривала с их друзьями и родственниками, следила за их аккаунтами в социальных сетях. Но чаще основывалась на материалах из личных бесед с ними.

Я использовала судебные документы и статьи из местных газет, общалась с репортерами, судьями, адвокатами, следователями, коллегами и знакомыми – чтобы сопоставить по времени и подтвердить события. Почти все цитаты взяты из юридических документов, электронных и обычных писем, стенограмм и интервью с тремя женщинами и другими персонажами книги. Единственное исключение – это сообщения и письма, которые уже недоступны. В таких случаях приходилось довольствоваться рассказами о них из разных источников.

Мой выбор этих трех женщин основывался на актуальности и остроте их историй, а также на цепочке событий, произошедших в прошлом и повлиявших на их дальнейшую жизнь. Я беседовала только с теми, кто был готов бесповоротно раскрыть мне свои истории под запись. В процессе работы несколько женщин испугались предельной откровенности, которой я добивалась, и отказались от участия в проекте. У других героев в этом тексте нет собственного голоса, потому что эти истории принадлежат тому, кому принадлежат, – трем женщинам. Но я решила защитить и тех, чьи голоса не слышны: я изменила почти все имена, места действия и характерные детали в двух историях, которые пока еще не стали публичными: имена тех, кто не играл никакой общественной роли, а также тех, кто в то время был несовершеннолетним.

Я убеждена, что эти истории донесут до людей жизненно важную вещь: правду о женщине и ее желаниях. Конечно, речь идет о трех конкретных женщинах, о трех отдельно взятых и изложенных в письменном виде судьбах. Истории бывают разные. Но эти истории – их.

Пролог

Когда моя мама была молодой, каждое утро по дороге на работу ее преследовал мужчина. Он придерживался расстояния в пару шагов позади нее и мастурбировал. У мамы было всего пять классов образования и приданое, состоявшее из потрепанных кухонных полотенец, но она была очень красивой. Как только я думаю о ней, сразу представляю себе эту красоту. Волосы у нее были цвета шоколада из Тирольских Альп. Она всегда делала одну и ту же прическу – взбитые короткие кудри. Кожа у нее была не оливковой, как у всех родственников, а какого-то необычного оттенка, цвета бледно-розового недорогого золота. Карие глаза смотрели на мир с игривым сарказмом.

Она работала кассиром в магазине фруктов и овощей в центре Болоньи, на улице Сан-Феличе, проходившей через модный квартал. На этой улице располагались обувные и ювелирные магазины, парфюмерные салоны, табачные лавки и роскошные бутики одежды для женщин, которым не нужно было работать. Мама проходила мимо всего этого великолепия каждый день, утром и вечером. Она любовалась витринами: изысканной обувью из нежной кожи, сверкающими ожерельями.

Но прежде чем войти в этот торговый квартал, ей нужно было выйти из квартиры, спуститься по узким улочкам мимо кузнечной мастерской и козлиной бойни. В переулках воняло мочой и застоявшейся тухлой водой, которая скапливалась меж камней. Вот на этих улицах ее и преследовал тот мужчина.

Когда он впервые ее увидел? Думаю, в магазине. Красивая женщина в окружении роскошных свежих фруктов и овощей – посреди груд каштанов и сочных персиков, спелого инжира, белоснежных головок фенхеля, брокколи, гроздей томатов, на которых еще сохранилась огородная пыль, пирамид блестящих фиолетовых баклажанов, мелкой, очень сладкой клубники, блестящих вишен, винограда, хурмы... В этом же магазине торговали крупами, хлебом, таралли, фризелле, багетами, медными мисками и плитками шоколада для кулинарии.

Мужчине было за шестьдесят: лысеющий, с крупным носом и седой щетиной на впалых щеках. На голове бейсболка, как и у других стариков, которые с тросточками выходят на улицу для ежедневной прогулки.

Затем ему удалось проследить ее путь до дома, потому что, когда одним ранним майским утром мама открыла тяжелую дверь своего дома и вышла из мрака на яркий свет (в Италии почти во всех домах очень темные коридоры, свет там включается и выключается по таймеру, чтобы сократить расходы, а солнце не проникает сквозь толстые, холодные каменные стены), ее поджидал старик, которого она никогда не видела.

Он улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ. А потом она пошла на работу, слегка размахивая недорогой сумочкой, в юбочке до середины икры. Мамины ноги даже в почтенном возрасте были поразительно женственными. Могу представить, что творилось в голове этого мужчины, когда он увидел ноги моей матери и пошел за ней. Мы веками жили под мужскими взглядами, и теперь гетеросексуальные женщины часто смотрят на других женщин так же, как это всегда делали мужчины.

Она, вероятно, почувствовала его присутствие, пересекая кварталы, проходя мимо торговца оливками, мимо винной лавки, где продавали портвейны и хересы. Но старик не просто шел за ней. Сворачивая за угол, мама боковым зрением уловила движение. В такой час на мощеных мостовых было пусто – еще только занимался рассвет. Мама повернулась и увидела, что из брюк мужчины торчит пенис, длинный, тонкий, твердый. Мужчина энергично наяривал рукой вверх-вниз, не отрывая взгляда от мамы. Он смотрел на нее так пристально, что могло показаться, что все происходящее ниже пояса управляется каким-то посторонним разумом.

В тот момент мама испугалась, но позже, за годы, прошедшие с того майского утра, ее страх поблек и превратился в сардоническое развлечение. За месяцы преследований этот человек появлялся возле ее дома несколько раз в неделю, а потом стал провожать ее от магазина до дома. На пике этих странных отношений он следовал за ней дважды в день.

Мама уже умерла, и я не могу спросить, как же она позволяла такое изо дня в день. Но я спросила мнение старшего брата, почему она ничего не сделала и никому ничего не сказала.

Дело было в Италии в шестидесятые годы. Полицейский просто ответил бы: «*Ma lascialo perdere, e un povero vecchio. E una meraviglia che ha il cazzo duro a sua età*» («Брось, это просто бедный старик. Удивительно, что в таком возрасте у него еще стоит»).

Мама позволяла этому мужчине мастурбировать, глядя на ее тело и лицо, прямо на улице, по пути на работу и обратно. Она была не из тех женщин, кому такое доставляет удовольствие. Но наверняка я не знаю. Мама никогда не говорила о своих желаниях. О том, что ее заводит, а что вызывает отвращение. Иногда казалось, что у нее вовсе нет собственных желаний. Что ее сексуальность – это лесная тропинка, никем не проторенная, которую можно угадать только по примятой высокой траве. А примял эту траву мой отец.

Отец любил женщин по-особому, и они считали его очаровательным. Он был доктором. Если медсестры ему нравились, он называл их «сладенькими», а если нет – «милочками». И он очень любил мою мать. Его влечение к ней было настолько очевидно, что мне даже неловко об этом вспоминать.

Хотя у меня не было повода спрашивать отца о его желаниях, в очевидной силе этого чувства, в силе мужского вожделения было нечто такое, что меня завораживало. Мужчины не просто хотели. Им это было *необходимо*. Мужчина, который каждый день преследовал мою маму, нуждался в этом. **Президенты лишаются славы ради минета. Мужчина готов поставить на кон всю свою жизнь ради мгновенного наслаждения.** Я не верю в то, будто у могущественных мужчин мира сего настолько мизерное эго, что они не способны понять: об их похождениях может стать известно всему свету. Я думаю, что просто их желание в тот момент настолько сильно, что все остальное – семья, дом, карьера – меркнет и превращается в каплю, холоднее и прозрачнее спермы. Превращается в ничто.

Начиная писать эту книгу, книгу о человеческом желании, я думала, что это будут истории о мужчинах. О жажде страстей. О том, как мужчины готовы перевернуть империю ради девушки, сидящей перед ними на коленях. И я начала разговаривать с мужчинами: философом из Лос-Анджелеса, учителем из Нью-Джерси, политиком из Вашингтона. Их истории поразили меня. Я пристрастилась к их рассказам, как человек может пристраститься к одному и тому же блюду из меню китайского ресторана.

История философа, красивого мужчины средних лет, началась с жалобы – жена больше не хотела с ним спать. Да и он больше не пылал к ней страстью: с годами ее привлекательность в его глазах поблекла. Позже он стал одержим татуированной массажисткой, к которой обратился по поводу боли в спине. Ранним утром он прислал мне сообщение: «Она говорит, что хочет сбежать со мной на Биг Сур». Когда мы с ним встретились в кофейне, он пылко описывал мне бедра этой массажистки. Его страсть не выглядела достойной, особенно учитывая непоправимые потери, которые он понес бы в браке. Скорее казалась поверхностной.

Мужские истории стали неумолимо бледнеть. В некоторых случаях было долгое ухаживание, иногда ухаживание, граничащее со сватовством. Но чаще всего истории заканчивались ослепляющим пульсированием оргазма. Однако если на заключительных вспышках заканчивалась и мужская прыть, то, на мой взгляд, женская зачастую только пробуждалась. В восприятии женщины намного сложнее выглядели те же самые события, и красота любовного акта могла обернуться насилием. В этом отношении именно женские чувства отражают то, как выглядят в Америке страстное желание и душевные порывы.

Конечно, женское желание могло быть таким же напористым, как и мужское. И все же, если желание было движущей силой на пути к определенному финалу, если оно было осознанным, мой интерес ослабевал. Но истории, в которых страсть не поддавалась контролю, где объект желаний будто диктовал рассказчику саму историю, – именно здесь обнаруживала я и истинное величие, и страдание. Была в них беспомощность и тщетность, как во вращении педалей велосипеда назад, были в них боль, и агония, и даже уход в мир иной.

Чтобы разыскать эти истории, я шесть раз исколесила страну. У меня не было определенного маршрута. Обычно я приезжала куда-нибудь вроде Медоры в Северной Дакоте. Усаживалась в кафе, заказывала тост с кофе и начинала читать местную газету. Так я нашла Мэгги. «Толстой шлюхой» молодую женщину называли даже те, кто был гораздо моложе ее. Предполагалось, что она состоит в связи с женатым учителем старших классов. Что удивительно, реальное сношение в ее истории отсутствовало. Она рассказала мне, что у них с учителем был оральные секс и он не позволял ей расстегивать его джинсы. Он оставлял записки в ее любимой книге «Сумерки». В этих записках он проводил параллели между отношениями героев книги и их собственными. Более всего поражало и возбуждало молодую женщину огромное количество этих записок и их детальность. Она не могла поверить, что учитель, которым она так восхищается, прочел всю книгу и нашел время написать такой пронизательный комментарий – словно он вел специальный курс по углубленному изучению любви между вампирами. А еще он, по ее воспоминаниям, опрыскивал страницы своим одеколоном, зная, что ей нравится этот аромат. Получать такие записки, переживать такие отношения – и внезапно, вдруг всему конец. Могу представить, какая пустота возникла в жизни этой молодой женщины.

Я узнала о Мэгги, когда ее ситуация из плохой стала просто кошмарной. Передо мной была женщина, чью сексуальность и сексуальный опыт отрицали самым ужасным образом. Я буду рассказывать историю так, как ее видела Мэгги, хотя версия, которую услышали присяжные, была совершенно иной. История Мэгги подскажет читателям ответ на распространенный вопрос: кто, когда и почему верит женским откровениям – и при каких обстоятельствах – и кто в них не верит.

* * *

Во все времена мужчины разбивали и разбивают женские сердца особым способом. Сначала мужчины любят или слегка влюблены, потом их это начинает утомлять – и они прячутся в своих раковинах на недели и месяцы, не давая о себе знать. Они охлаждаются и перестают звонить. А женщины ждут. Чем сильнее они влюблены и чем меньше у них шансов, тем дольше они ждут, надеясь, что он вернется с разбитым телефоном и разбитым лицом и скажет: «Прости, меня похоронили заживо, и единственное, о чем я думал, была ты, я боялся, что ты подумаешь, что я бросил тебя, но на самом деле я всего лишь потерял твой номер, потому что мой телефон украл тот тип, который похоронил меня заживо, и я три года рылся в телефонных книгах, пока не нашел тебя. Я не исчез, мои чувства к тебе не изменились. Ты имеешь право думать, что все это жестоко, непростительно, невозможно. Выходи за меня замуж».

Преступление, в котором обвинили того учителя, разрушило жизнь Мэгги, хотя у нее было нечто такое, что редко бывает у оставленных женщин. Она обладала властью, продиктованной силой ее возраста в сочетании с родом занятий ее бывшего любовника. Мэгги считала, что ее власть вполне законна. Но на самом деле это было не так.

Некоторые женщины ждут, потому что им кажется, что если они перестанут ждать, то все исчезнет. Объект желаний становится для них единственным, и другого им не надо. Проблема может быть и экономической: ведь революциям требуется немало времени, чтобы дока-

титься до населенных пунктов, где люди больше интересуются рецептами из журнала «Сельская жизнь», чем статьями о том, как положить конец зависимому положению женщин.

Вот Лина – домохозяйка из Индианы. Ее много лет не целовали, но она не уходила от мужа, потому что у нее не было денег, чтобы жить самостоятельно. Поэтому она ждала, когда младший ребенок подрастет и она сможет выйти на работу, начать себя обеспечивать. А потом ждала, когда другой мужчина оставит ради нее свою жену. А потом она ждала еще чего-то...

Ветры перемен в нашей стране заставляют нас задумываться, кто мы есть в нашей собственной жизни. Часто ожидающие ищут одобрения своего поведения от других женщин. И тогда они получают право одобрять собственные действия.

А вот Слоун – спокойная и уравновешенная хозяйка ресторана, которая позволяла мужу смотреть, как она занимается сексом с другими мужчинами. Иногда они оказывались в постели втроем или вчетвером, но чаще всего муж наблюдал, как она имеет других мужчин – в видеозаписи или собственными глазами. Слоун очень красива! Муж наблюдает, как она занимается сексом с другими, а за окнами спальни разбивается о скалы океанский прибор... А вдали пасутся овечки соломенного цвета... Моя подруга, которая считает отношения «свингеров» достойными презрения, сочла, однако, историю Слоун жизненной и поучительной. А жизненность истории всегда заставляет нас сочувствовать ей.

Я думаю о том, что я – дочь женщины, которая позволяла мужчине каждый день мастурбировать, глядя на нее. Я думаю о том, что сама позволяла делать с собой. Все это было не столь отталкивающе, но тоже вписывалось в общую схему. Еще я думаю о том, как много я хотела от мужчин. И сколько из этих желаний было тем, что хотела от себя самой или, может, от других женщин. И как много из того, что я хотела от любовника, мне было нужно от собственной матери. Потому что множество услышанных мной историй показали, что женщины зависят друг от друга больше, чем от мужчин. Женщины могут заставить нас чувствовать себя неряшливыми, старомодными, распутными, нелюбимыми, некрасивыми. В конце концов, все сводится к одному – к страху. Нас запугивают как женщины, так и мужчины. **Иногда мы так много думаем о своих страхах, что достигаем оргазма только наедине с собой.** Мы притворяемся, что хотим того, чего вовсе не хотим, чтобы никто не понял: у нас нет того, что нам на самом деле нужно.

Моя мать боялась не мужчин. Она боялась бедности. Она рассказала мне однажды другую историю, и, хотя я не могу вспомнить точные обстоятельства этого разговора, помнится, она не предлагала мне сесть. Не было элегантных закусок и розового вина. Скорее так: на кухонном столе лежала пачка сигарет, окно было открыто, собака терлась о мои колени, часто моргая от сигаретного дыма. А мама надраивала салфеткой стеклянный стол.

Это был рассказ о жестоком мужчине, с которым она встречалась до знакомства с моим отцом. Мама употребила достаточно слов, которые меня интриговали и пугали одновременно. И «жестокость» было одним из них.

Мама выросла в очень бедной семье. Она писала в горшок, а потом протирала мочой веснушки, потому что считалось, что это ослабляет пигментацию. Вся семья – мама, две ее сестры и их родители – жили в одной комнате. Потолок в доме протекал, и вода часто капала маме на лицо, когда она спала. Она почти два года провела в санатории, борясь с туберкулезом. Ее никто не навещал, потому что никто из семьи не мог позволить себе такую дальнюю поездку. Ее отец работал на виноградниках и был алкоголиком. Младший брат умер в младенчестве, ему еще и года не было.

Со временем мама перебралась в город, но накануне ее отъезда, в феврале, заболела ее мать. Рак желудка. Ее положили в местную больницу, откуда она уже не вышла.

Как-то вечером повалил снег. Брусчатка стала очень скользкой. Мама была с тем жестоким человеком, когда ей сообщили, что ее мать умирает и может не дожить до утра. Жесто-

кий мужчина повез маму в больницу через сильную метель. В машине они серьезно поссорились. В детали мама не вдавалась, но сказала, что в конце концов он попросту вышвырнул ее из машины – в темноту ночи, в пургу. Она смотрела, как исчезают огни автомобиля. Других машин на обледенелой дороге не было. Мама не успела – когда ее мать скончалась, ее не было рядом.

Я и сейчас не знаю, что мама имела в виду под словом «жестокость». Не знаю, избивал или насиловал ее тот мужчина. Я всегда полагала, что в ее мире жестокость подразумевала какую-то сексуальную угрозу. В самых мрачных своих фантазиях я представляла, как он заставлял ее заниматься сексом в ту ночь, когда умирала ее мать. Я представляла, как он сжимал и кусал ее. И все же мама оставалась с ним – это был страх перед бедностью, а не перед этим жестоким мужчиной. Она не могла вызвать такси и поехать в больницу. У нее не было ни сил, ни средств.

Примерно через год после смерти моего отца, когда мы научились проживать день без слез по нему, мама попросила научить ее пользоваться интернетом. Она никогда в жизни не пользовалась компьютером. Набор одного предложения занял у нее несколько мучительных минут.

В конце дня, проведенного перед экраном, я сказала ей, чтобы она просто объяснила мне, что ей нужно. Мы обе были измучены.

– Я не могу, – ответила мама. – Я должна сделать это сама.

– Что?

Я знала о ней все. Я видела все ее счета, письма, даже ту записку, написанную от руки, которую я должна была бы обнаружить в случае ее неожиданной смерти.

– Я хочу разузнать об одном человеке, – тихо сказала она. – О мужчине, с которым я была до твоего отца.

Я была поражена, причем неприятно. Мне хотелось, чтобы мама навсегда осталась вдовой моего отца. Я хотела, чтобы отношения родителей сохранялись незыблемыми даже после смерти, даже ценой маминого счастья. Я не хотела ничего знать о желаниях моей матери.

Этот жестокий мужчина, хозяин большой ювелирной империи, любил маму так сильно, что даже пришел в церковь и попытался остановить венчание моих родителей, когда оно было в самом разгаре. Давным-давно мама подарила мне ожерелье из рубинов и бриллиантов. Она решила расстаться с ним, чтобы не хранить у себя и тем самым не показывать, насколько оно ей дорого. Я сказала ей, что она может попытаться разобраться с компьютером самостоятельно, но, прежде чем она смогла это сделать, она заболела.

Я думаю о маминой сексуальности и о том, как она проявлялась. Я чувствовала это в мелочах – как она прихорашивается перед тем, как выйти из дома или открыть дверь. Я могла расценивать это как силу или слабость, но никогда не считала это велением сердца. Как же я заблуждалась...

До сих пор удивляюсь, как женщина могла позволить мужчине в течение многих дней мастурбировать за своей спиной. Я думаю, плакала ли она по ночам? Возможно, она оплакивала того одинокого старика. В нюансах желаний скрывается истина о нас, каковы мы есть в самые откровенные моменты жизни. Я хотела бы поймать и зафиксировать само пылающее жало женского желания, чтобы мужчины и женщины попытались понять, прежде чем осуждать. Потому что каждая минута нашей жизни остается с нами навсегда. Эти минуты расскажут, кем мы были, кем были наши матери, наши соседи – ведь мы слишком упорно считаем, что в мире нет никого, похожего на нас. Итак, перед вами три истории.

Мэгги

Этим утром ты собираешься как воин, который готовится к сражению. Твоя боевая раскраска – макияж. Отрешенный дымчатый взгляд из-под густых ресниц. Темно-розовые румяна, губная помада естественного цвета. Твои длинные волосы слегка подкручены, чтобы казаться более объемными. Ты научилась делать прическу и макияж самостоятельно. Ты стоишь перед зеркалами, а в комнате гремит *Linkin Park* и *Led Zeppelin*. Ты – одна из тех девушек, которые инстинктивно понимают, как пользоваться косметикой и аксессуарами, как орудовать заколками-невидимками, чтобы они исчезли в прическе.

Ты надеваешь туфли на танкетке, легинсы и топ с рукавом-кимоно. Ты хочешь, чтобы он понимал: перед ним больше не ребенок. Тебе уже двадцать три.

Конечно, тебе хочется, чтобы он по-прежнему тебя желал, чтобы пожалел о том, что потерял. Тебе хочется, чтобы, сидя за ужином, он вспоминал твои танцующие бедра.

Шесть лет назад ты была изящней, и он любил твои маленькие ручки. Тогда его пальцы танцевали внутри тебя. Много изменилось. Твой отец умер – в августе он вскрыл себе вены на местном кладбище. Ты рассказывала ему об отце, о проблемах с родителями. О том, как один разыскивает другого по барам, чтобы вытащить его оттуда. Оба были алкоголиками, но отец пил сильнее. Ты чувствуешь, что он мог бы понять, что звук дождя, который колотится о землю над могилой отца, причиняет тебе боль. Ах, как там сыро... тебе мерещится, что отец недоумевает, почему ты оставила его в холодном черном ящике... Разве смерть не затмевает того, что происходит в зале суда? Разве смерть не затмевает весь этот бред, всех этих копов и адвокатов? Разве не осталось на свете такого места, где вы все еще вместе, только вы вдвоем?

Ты едешь в суд округа Касс вместе с братом Дэвидом. По дороге ты выкуриваешь несколько сигарет. От тебя исходит запах чистого тела и геля для душа вперемешку с ароматом духов и сигаретным дымом. Он терпеть не мог, когда ты курила, поэтому ты обманывала, уверяя его, что курят родители, а табачный дым просто въелся в твои волосы и ткань твоих кофточек. В католической церкви ты даже поклялась бросить курить – ради него. Он заслуживал всего того, что ты могла ему дать, даже того, чего ты давать не хотела бы...

Ты могла бы сделать так, что он не появился бы тут сегодня – даже несмотря на то, что он, как утверждают адвокаты, имеет право быть здесь. В глубине души тебе хочется, чтобы он появился. Ты понимаешь, что и в полицию ты пошла именно для того, чтобы снова увидеть его лицо. Потому что (и большинство согласятся с этим), когда любовник уходит, отказывается видеть тебя, бросает на произвол судьбы свою зубную щетку и хорошие ботинки, не отвечает на электронные письма, покупает себе новые *хорошие ботинки*, потому что это намного выгодней, чем снова угодить в мышеловку под названием «ее непреходящая боль», – тогда кажется, что тебе заморозили внутренние органы. Становится так холодно, что нечем дышать. Шесть лет он не появлялся. Но сегодня он придет, и на судебные разбирательства тоже явится, так что совершенно ясно: ты делаешь это только ради возможности увидеть его еще шесть раз. Такая идея покажется нелепой всем, кто не знает: человек может уничтожить другого одним лишь своим исчезновением.

Ты беспокоишься, что все еще хочешь его. Наверное, его жена переживает. Ты представляешь себе, как она, рассеянно играя дома с детьми, все время смотрит на часы.

Ты паркуешь машину и выкуриваешь еще одну сигарету, прежде чем войти внутрь. На улице довольно холодно, но в такую погоду приятно курить. Иногда кажется, что Фарго – просто начало всех начал. Серебристые грузовики со свистом проносятся по трассе. У них есть пункт назначения, координаты, к которым следует стремиться. Красивее и свободнее грузовиков только поезда. Ты делаешь глубокий вдох, и холодный воздух наполняет легкие.

Ты приходишь в зал первой. Слава богу. Здесь только ты, Дэвид, прокурор Джон и его помощник Пол. Мысленно ты называешь их по имени – и обращаешься к ним так же. Им кажется, что ты нарушаешь субординацию. Они не представляют твои интересы: они представляют штат Северная Дакота. Не думай, что прокуроры – твоя защита. Они – твоя тень, это больше похоже на правду.

Входит судебный репортер.

А потом входит Он. Со своим адвокатом, скользким типом по имени Хой.

Он садится напротив тебя. На нем та же одежда, в какой он обычно ходил в школу. Рубашка на пуговицах, галстук, слаксы. Странно. Ты ожидала, что он придет в костюме. Хотя бы в чем-то более элегантном и солидном. Но его внешний вид вдруг делает его до боли знакомым. Ты задумываешься, не ошибалась ли ты все эти годы. Его молчание ты принимаешь за безразличие, но, быть может, он, как и ты, погружен в потусторонний страх. Говорят, у него родился третий ребенок. Мысленно ты представляешь качели, румянец на щеках его жены и новую жизнь, которая в ней зародилась, в то время как ты дрожала, сидя в ледяной ванне самоуничужения. Ты отяжелела, твой макияж отяжелел, стал более густым и многослойным. Но, может быть, все эти годы он тоже умирал от тоски по тебе. Как поэт, обрекал себя на десятилетия страданий. Качели заржавели. **Ограничения среднего класса стали забором его тюрьмы. А жена – надсмотрщиком. А дети – да! – они всему причиной: ради них он предпочел жить без тебя и быть несчастным.**

На мгновение тебе хочется дотянуться до него маленькими руками, которые он так любил... Любит ли он их до сих пор? Куда уходит любовь рук, когда все умирает? Тебе хочется взять его лицо в ладони и сказать: «Черт, прости меня, что я тебя предаю. Мне было ужасно больно, и я разозлилась – ведь ты украл у меня несколько лет жизни! Все, что ты делал, было неправильно. А теперь я здесь. Посмотри на меня. Я нанесла боевую раскраску, но под ней мне страшно, я напугана, я устала. Я хочу тебя, я люблю тебя. Я набрала три килограмма. Меня несколько раз исключали из колледжа. Мой отец только что покончил с собой. Я принимаю все эти таблетки, загляни в мою сумку – чертова куча таблеток. Я – девочка с горстью таблеток, как старуха. Я должна встречаться с парнями, от которых пахнет травкой, но вместо этого я полностью сжилась со своей ролью жертвы. Я писала тебе. Ты ни разу не ответил».

Ты уже почти тянешься к нему. Тебе безумно хочется сказать, что тебе жаль, хочется умолять его, чтобы он позаботился о тебе. Никто не может позаботиться о тебе так, как он, ты это знаешь. Никто не умеет слушать так, как он. Слушать часами. Как отец, как муж, как учитель, как лучший друг. Он отрывает свой взгляд от стола и смотрит в упор на тебя. У него холодные, черные, мертвые глаза. Небольшие агаты, суровые и блестящие. Старше, чем ты запомнила. Ты вообще не помнишь таких глаз. Раньше они были наполнены любовью и вождением. Он забирал твой язык в рот и сосал его с такой страстью, словно хотел сделать своим.

Теперь он ненавидит тебя. Это ясно. Ты вытащила его сюда, вырвала из уютного дома, где его ждут трое детей и жена, которая последует за ним куда угодно. Ты вытащила его в эту чертову январскую слякоть, привела в эту мерзкую комнату и заставила тратить деньги и сбережения родителей на скользкого и неприятного адвоката. Ты заиклилась на том, чтобы разрушить его жизнь. Все, что он построил. Все электронные доски, которые он включает в классах в семь утра. Из-за тебя ему уже пришлось продать один дом и купить другой.

Сегодня в Северной Дакоте Аарон Нодель – учитель года. Во всем штате он считается лучшим в своем деле. И вот появляешься ты, убогая бродяжка, отродье алкашей, дитя самоубийцы, девица, которая и раньше была со взрослыми мужчинами и втягивала их в неприятности. Ты портила жизнь военным, оплоту Америки. И вот ты снова тут, грязная шлюха, чтобы погубить репутацию учителя года. Он презрительно фыркает. Ты чувствуешь яичный запах.

Совершенно ясно одно – ты должна перестать думать о нем. Немедленно. Если не сможешь, то никогда не выйдешь из этой комнаты. Ты ищешь предел своего сердца и, как это ни

невероятно, находишь его. Потрясенно ты благодаришь себя и Бога. Часто ли ты чувствовала, что поступаешь правильно? Сегодня такой день. Может быть, единственный. Ты думала, что все еще хочешь трахаться с ним. Ты преследовала его в Сети – сегодня это даже не преследование: открываешь компьютер – и все обрушивается на тебя. Тебе не скрыться от угодливых статей в местных газетах. Фейсбук подсовывает тебе ссылку на магазин, где твой бывший любовник покупал перчатки. Свежие фотографии заставляют вздрагивать, тормозят в тебе былую страсть... Но теперь ты сидишь здесь – и ничего не чувствуешь. Ты видишь его плотно сжатый маленький рот. Его неидеальную кожу. Его губы больше не кажутся тебе чувственными: они сухие и тонкие. Он выглядит болезненно, словно целыми днями ел маффины, пил растворимый кофе и кока-колу и сидел в подвале, хмуро уставившись в стену.

Его адвокат Хой желает всем доброго утра. Он ужасен – дикие усы топорщатся во все стороны. Он заранее объявил журналистам, что его клиент прошел тест на детекторе лжи, хотя такое доказательство суд вряд ли примет.

Даже усы Хоя демонстрируют осуждение. Он из таких типов, которые дают тебе почувствовать себя необразованным плебеем, куском дерьма, с машиной, которая не заводится в морозное утро вроде сегодняшнего.

– Не могли бы вы назвать свое полное имя под запись? – говорит он.

Судебный репортер набрасывается на клавиатуру. Брат Дэвид дышит в унисон с тобой. Ты произносишь свое имя:

– Мэгги Мэй Уилкен, – и откидываешь назад длинные, продуманно уложенные волосы.

Первый раунд вопросов должен тебя успокоить и заставить расслабиться. Хой спрашивает про время, которое ты провела в штате Вашингтон со своей сестрой Мелией. Мелию и ее мужа Дейна, военного, ты навещала и на Гавайях, но Хой спрашивает про то время, когда они жили в Вашингтоне. Это было после Аарона. Потому что жизнь твоя делится таким образом. До Аарона и после Аарона. Ее можно было бы разделить на жизнь до самоубийства отца и после, но именно Аарон является главной вехой – если уж говорить честно.

Хой спрашивает о посещении сайта знакомств *Plenty Of Fish*. Ты и правда разместила там свою анкету, когда была в Вашингтоне. Но адвокат говорит так, словно ты продавала собственное тело за банку пива. Ты знаешь, что именно такие, как он, пишут законы, по которым ты обязана жить. Мужчины, которые говорят так, словно сайты знакомств – это рекламные объявления борделя. Словно ты – девушка, которая публикует свои фотографии в самом непристойном виде.

Ты действительно встречалась с несколькими парнями с этого сайта, но все они оказались жалкими неудачниками. Ты ни с кем из них не спала и за напитки заплатила сама. Было даже неловко. Но все это происходило до того, как люди стали размещать фотографии в Инстаграме, чтобы вызвать зависть. Это было раннее, медленно раскачивающееся время начала новой эпохи. Хой спрашивает про сайт, название которого не может произнести правильно.

– Что это? – уточняешь ты.

– Я не знаю, но вы-то бывали на этом сайте? – говорит он.

– Нет, я не знаю, что это такое.

«И ты это понимаешь, урод», – думаешь ты. Но в такой обстановке лучше не спорить. Наверняка жена и дети давно научились ему врать, чтобы избежать мучительных допросов, способных разрушить душу.

Он спрашивает о твоём конфликте с отцом. С твоим дорогим умершим отцом, который там, под глиной и дождем. Раньше вы часто ссорились, и ты говоришь об этом как есть.

– Из-за чего вы ссорились? – спрашивает Хой.

– Из-за чего угодно.

Ты ничего не утаиваешь, что бы это тебе ни сулило и что бы они о тебе ни подумали.

Он спрашивает о братьях и сестрах, о том, почему все они рано покинули отчий дом. Ты пока этого не знаешь, но твои слова могут быть использованы против тебя. Они выстраивают защиту на твоих собственных высказываниях. Они хотят показать, из какой ты нехорошей семьи. И какая ты распушенная. Сайты знакомств, дурная семья. Твои родители – обычные алкоголики, заделавшие детей по пьяни, а потом отправившие их на все четыре стороны, чтобы они принесли с собой проблемы в разные штаты. Ты живешь не в престижной западной части Фарго, как мистер Нодель, учитель года Северной Дакоты. Ты ютишься в неблагополучном районе, а он живет в привлекательном, благородного цвета доме, где имеется аккуратно свернутый шланг, из которого никогда не забывают поливать газон.

Все это время ты смотришь на него. И думаешь о том, что между вами было. Ты думаешь: «Если бы время замерло! Если можно было бы вернуться назад, где все было так просто, где все были живы. Где наши руки все еще дружили...»

Хой говорит:

– Вы сказали, что были близки с мистером Ноделем еще до первого года в старшей школе...

– Правильно, – подтверждаешь ты.

– Как это произошло? – спрашивает Хой.

Ты задумываешься, как ответить на этот вопрос. Ты мысленно закрываешь глаза. И сразу переносишься из черной смерти своего настоящего в райские просторы прошлого.

Судьба Мэгги объявилась в один прекрасный день без предупредительного звонка. Мягкой кошачьей поступью, как все в этом мире, что может разрушить твою жизнь.

До нее доносились только слухи о нем. Некоторые девочки говорили, что он «секси». Гладкие темные волосы, словно застывшие с помощью геля в постоянном салюте. Красивые темные глаза. Такой учитель, ради которого хочется идти в школу даже в холодное дакотское утро. Его имя восторженным шепотом проносилось по коридорам – словно произносящие его были околдованы. *Мистер Нодель*.

Мэгги не относилась к тем, кто принимает на веру чужие слова о чьей-то сексуальности. Она никогда не разделяла общее мнение только для того, чтобы не выделяться. Подруги знали, что она не фильтрует выражений и может сказать мужчине все что угодно. Они посмеивались, но втайне радовались, что такая девчонка, которая способна сказать парню: «А ну, пойдём выйдем!» – не думая о последствиях, в их команде.

Наконец в тот самый день, между второй и третьей учебными парами, она наткнулась на него, когда он шел по коридору. На нем были брюки цвета хаки, строгая рубашка и галстук. Это был не тот момент, который ярким метеором врывается в жизнь. Вообще встреча с важной персоной в твоей жизни редко бывает похожа на взрыв. Тогда она сказала подружкам, что он, конечно, симпатичный, но сходить с ума не от чего.

Но привлекательных мужчин-учителей в школе было немного. То есть совсем не было. Вообще в школе их было трое – мистер Мерфи, мистер Кринк и мистер Нодель, и все они дружили. Они общались не только друг с другом, но и с учениками: могли отправить им сообщение или электронное письмо. Мистер Мерфи и мистер Нодель руководили студенческим конгрессом, а мистер Кринк и мистер Нодель вместе вели курс риторики и публичных выступлений. После школы они порой заглядывали в ресторанчики и бары, где можно было выпить хорошего пива – *Spitfire Bar & Grill, Applebee's, TGI Friday's*. Они смотрели футбол и выпивали по несколько кружек. В учебное время они перекусывали в комнате мистера Ноделя. Это был своеобразный клуб, где за сэндвичами разгорались горячие дискуссии о футбольных играх.

Из троих друзей мистер Нодель был самым ярким. Высокий, крупный, с темными волосами и карими глазами. Впрочем, нацелиться на него как на классическую добычу вряд ли

удалось бы – он был женат и имел детей. Но он был самым привлекательным из всего учительского коллектива в сорок человек. Если не можешь поехать в Лас-Вегас, приходится довольствоваться местным казино, не так ли?

Во втором семестре в старшей школе мистер Нодель вел у первокурсницы Мэгги английский язык и литературу. Эти предметы сразу заинтересовали девушку. Она внимательно слушала, поднимала руку и постоянно улыбалась. После уроков они часто разговаривали. Он смотрел ей в глаза и слушал, как подобает хорошему учителю.

Все сложилось само собой. Когда в футбольном полуфинале Западный Фарго сошелся с Южным Фарго, тренер вызвал Мэгги, и она затрепетала как птичка. Тренер сказал, что им нужны ее мышцы. Они проигрывали, но благодаря ей почти не проиграли. Воздух был бодрящим, сияло солнце. Мэгги помнит, что в тот день ей было радостно думать, что у нее впереди целая жизнь, чтобы сделать все, что ей захочется. В комнате ее висели плакаты *Миш Хэм* и *Эбби Уомбак*. Мама расписала изголовье ее кровати, как сетку футбольных ворот, Мэгги бредила *Дэвидом Бекхэмом*. Она страстно хотела получить спортивную стипендию в колледже. Ей не было дела до мальчиков, вечеринок и сплетен. Она мечтала об огромных стадионах, куда люди будут приходить, чтобы увидеть игру ее команды. И вот она оказалась на перепутье. У нее сохранились детские мечты, но теперь у нее появлялись взрослые возможности для их реализации.

На вечеринку в честь завершения первого года Мэгги с подружками протащили в зал спиртное в бутылках из-под газировки, а потом все отправились к одному из одноклассников, родители которого уехали из города. Там накинули еще. Закуски почти не было, все страшно проголодались и поехали в «Перкинс» – что-то типа благотворительной кухни, где кормят супом. У здешних клиентов были красные рожи, а прокуренные официантки надрывно кашляли. Но когда ты молод и пьян и среди ночи разыгрался аппетит, то тебя ничто не смущает. Когда ты молод, то можешь сделать что угодно и жалеть об этом не будешь.

Где-то вдалеке раздался протяжный гудок поезда. Мэгги оживилась – она представила, как когда-нибудь купит билет в один конец и уедет из Фарго навстречу карьере и красивой квартире в стильном большом городе. Ей рисовалась ее будущая жизнь – может, конкретный путь она представляла весьма расплывчато, но возможностей было море. Она может стать актрисой, звездой рэпа, бухгалтером. Она может стать счастливой.

Хой спрашивает об одноклассниках и близких друзьях. Ты называешь Мелани, Сэмми, Тессу, Лиз и Сноклу.

– Снокла, – произносит адвокат, будто пробуя холодный десерт. – Это девочка?

– Да, это девочка, – отвечаешь ты.

– Можете назвать ее фамилию?

Ты запинаешься, потому что ее фамилия просто вылетела у тебя из головы, и тут впервые заговаривает Аарон. Человек, который когда-то облизывал каждый закуток твоего тела, а потом не только прекратил это делать, но и вообще перестал признавать твое существование, впервые за шесть лет он заговорил с тобой.

– Ее фамилия Джефферсон.

Он говорит это так, что нет смысла сомневаться, нет смысла перепроверять. Мужчина, который так выглядит и так говорит, никогда не допустит ошибок. Никогда не подцепит венерической болезни, сколько бы шлюх не перебивало в его постели. Этот мужчина никогда не уйдет с ярмарки, не выиграв целой кучи дешевых мягких игрушек. Рука его всегда будет гордо подниматься ввысь в знак победы.

– Значит, ее фамилия Джефферсон? – переспрашивает Хой, глядя тебе в глаза.

– Ну да, вам же уже сказали, – отвечаешь ты и краснеешь.

Когда-то он был твоим возлюбленным, но по-прежнему остается и останется навсегда твоим учителем, то есть авторитетом. Иногда он употреблял такие мудреные выражения, что ты чувствовала себя полной дурой, потому что вообще не понимала их смысла.

– Я просто удивлен, что вы сами не вспомнили фамилию девочки, которую называете своей подругой, – говорит Хой.

– Что ж, нам повезло, что с нами мистер Нодель, который так хорошо помнит всех девочек-старшекласниц.

Ты становишься язвительной, чувствуя, что тебя загоняют в угол.

– Ладно, ребята, – говорит Хой. – Мы слишком заостряем на этом внимание, давайте двигаться дальше.

Потом ты спросишь, почему никто не считал странным, что Хой ведет себя как друг, пытающийся примирить поссорившуюся пару, а не как адвокат, защищающий невиновного.

Но странно ведет себя не Хой, а ты. Это ты – чокнутая девчонка. Хочешь денег – так о тебе думают люди. Хочешь заставить этого мужчину заплатить за то, чего он не делал. Ты чокнутая и разбитая, как твоя машина и твоя психика. Как всегда, негодяи побеждают. Аарон сильнее тебя. Эта мысль вызывает не боль, а какое-то разъедающее изнутри ощущение, как будто в тебе поселяется ноющая злокачественная опухоль и она хочет тебя сожрать. Тыжимаешь плечами.

Мэгги вспоминает, что на первом курсе вместе с ней в классе английского занималась Табита. Она вспоминает это, потому что мистер Нодель как-то во время урока сказал, что у него рак яичка. **Это трогательно, конечно, когда учителя делятся с учениками такими интимными вещами, но и жутковато. Учителя перестают быть только учителями.** Они становятся людьми, которые ходят по той же земле, так же схватывают простуду, так же хотят того, чего не могут себе позволить, так же не всегда чувствуют себя привлекательными.

Так, Табита взяла и спросила мистера Ноделя, означает ли это, что у него только одно яичко. Нет, она спросила не столь вежливо. Она просто сказала:

– У вас что, одно яйцо?

Мистеру Ноделю это не понравилось, и он сурово ответил:

– Мы можем поговорить об этом после уроков.

Мэгги расстроилась из-за мистера Ноделя – Табита смутила его. Как она могла задать такой ужасный вопрос? Кто вообще задает такие вопросы? Мэгги тоже бывает грубоватой и чрезмерно откровенной, но не жестокой. И в нечуткости ее не обвинишь.

Спустя какое-то время мистер Нодель взял отпуск по уходу за ребенком: ученики шутили, что он решил продемонстрировать, что заболевание не сделало его неполноценным мужчиной. Его жена родила ему второго ребенка. Во время отпуска его заменял мистер Мерфи. Когда мистер Нодель вернулся, уже в качестве молодого отца, он словно раскрылся. Он был полон жизненных сил, он стал совсем другим: сияющим, добродушным, душа нараспашку – ну просто свежая устрица!

Мэгги не помнит, как заговорила с ним после уроков о своей жизни. Она задержалась зачем-то в классе... Или она уже направлялась к двери, а он задал ей какой-то вопрос... «Мэгги», – позвал он ее, глядя на нее своими невероятно честными глазами, и она вернулась. А потом она стала рассказывать ему все. Отец ее часто бывает слишком пьян, чтобы доехать до дома из бара. А прошлым вечером они поссорились, и она не захотела его слушаться, потому что как можно слушаться отца, который просит купить ему упаковку пива?

Если она упускала в своем рассказе какую-то мелочь, он подталкивал ее к продолжению. Он мог просто спросить: «Как там у вас дома, все в порядке?» И Мэгги возвращалась и рассказывала ему все. Он был хорошим учителем, всегда заботился об учениках. А иногда человеку больше всего нужно, чтобы кто-то его искренне спросил, как дела...

Лина

Лина знает, что пятнадцатилетние девочки делятся на два типа, и она относится к тем, кому нужно нечто большее, чем французские поцелуи. У себя в спальне она, закрывая глаза, представляет, что влюблена. Этого ей хочется больше всего. Она считает, что девчонки, которые говорят, что успешная карьера для них важнее любви, попросту врут. Внизу, на кухне, мама готовит мясной рулет. Лина его ненавидит. Она ненавидит этот запах. Весь дом пропитался мясным рулетом, и запах сохранится еще на несколько дней. И даже пыль на перилах – и та перемешается с этой бурой вонью.

На лбу у Лины вскочил прыщ, большой, кроваво-оранжевый. Сегодня пятница, пятница все-таки приятнее вторника. А если вторники чем-то и лучше пятниц, так это тем, что по вторникам никто никуда не выходит, впрочем, как и Лина. Сидят себе по своим трейлерам или модульным домам. Лина хотя бы живет в приличном доме. Кому-то всегда хуже, хотя всегда найдутся те, кому лучше.

Но эта пятница будет совсем другой. Лина еще этого не знает, но эта пятница навсегда изменит ее жизнь.

Несколько недель назад подруга Лины, Дженнифер, признанная красотка, начала встречаться с новым парнем, Родом. А Род – лучший приятель Эйдена. А Лина с ума сходит по Эйдено – так всегда и бывает: серые мышки влюбляются в самых популярных парней. Эйден сильный, привлекательный и впечатляюще молчаливый. Если уж скажет – как золота отвесит. Впрочем, влюбленность Лины – катастрофа среднего уровня. Ведь она почти его не видит. Они учатся в одном классе, но никогда не разговаривают. Он встречается с девчонками с пухлыми губами, большой грудью и с мягкими прямыми волосами. Он встречается только с крутыми девчонками.

Лина не страдает дисморфофобией. Не думайте, что она смотрит в зеркало и видит там уродца. Она видит себя в зеркале такой, какова она есть: вьющиеся светлые волосы до плеч, серо-голубые глаза и красноватая кожа с мелкими прыщиками вдоль линии роста волос. Она нормального роста, и тело ее вполне нормальное: бедра у нее не слишком широкие, а если пропустить ужин, то и живот будет вполне плоским. Но она не красавица. Если бы она, к примеру, неожиданно стала подружкой Эйдена, то вряд ли кто-нибудь из парней сказал бы: «О, Эйден обзавелся горячей цыпочкой».

А недавно она поняла, что в мире нет ничего более важного. Все остальное не важно. Или скорее все остальное станет важным, потому что если ты – «горячая цыпочка», у тебя появятся свобода и возможность сосредоточиться на всем остальном, а не только на себе. Ты – горячая цыпочка, поэтому тебе не нужно часами крутиться у зеркала, чтобы хорошо выглядеть. Не нужно пытаться заставить кого-то влюбиться в тебя. Не нужно больше плакать – только если кто-то умер. Но тогда даже плакать ты будешь сексуально.

Как бы то ни было, она не горячая цыпочка. Более того, она не получает даже того внимания, которое получить легко. От парней, работающих в *7-Eleven* или *Tastee-Freez*. От работяг со стройки, которые в полдень перекусывают на лавочках жареными пирожками, запивая крепким чаем в пластиковых стаканчиках. Даже они не задерживают на ней взгляд.

Но теперь, когда Дженнифер стала встречаться с Родом, у Лины появился шанс. Единственное, что радует Лину в дружбе Дженнифер с этим популярным бойфрендом, – это стратегия. А для разработки хорошей стратегии нужно на практике быть одержимой своей идеей.

За несколько недель Лина разузнала о нем все. «Знали бы парни, – со смехом говорила она Дженнифер, – что мы постоянно думаем о них!» Лина всегда честна в этих вопросах. Но Дженнифер не стала бы признаваться в подобном. Ей-то не нужно разузнавать все о парне, с которым она даже ни разу не говорила.

Адрес.

Телефон наизусть. За две недели ты, наверное, тысячу раз набирала первые шесть цифр, и сердце твое взрывалось перед седьмой, и палец дрожал над ней, но так ни разу и не нажал кнопку. Наверное, так же на мышцы действует героин.

Родители – их имена, чем зарабатывают на жизнь, место их работы.

Собака – как ее зовут и когда с ней гуляют. И где с ней гуляют – чтобы можно было случайно выйти со своим плеером в тщательно выбранном костюме. И ты идешь и всякий раз, когда сворачиваешь за угол, твое сердце заходится.

Размер одежды.

Девочка, с которой он поцеловался в первый раз. Стоя под душем, ты придумываешь историю о том, как она с ним сосетса и как он не хочет даже говорить о ней, потому что оно того не стоит. Что он почти забыл ее имя. А вот ты никогда не забудешь.

Любимые группы, любимые фильмы, все, что обычно узнают о человеке уже после знакомства.

Его расписание, на каком месте он сидит в вашем классе. Как прийти раньше, чтобы он не подумал, что ты пытаешься сесть поближе к нему.

Все это становится важнее дыхания. Потому что Лина знает: если она сумеет заполучить этого идеального парня, то все будет хорошо. Даже притом, что она не горячая цыпочка. Все будет хорошо, и все остальное дерьмо не будет иметь никакого значения.

Как то, например, что **мама Лины вечно заставляет ее чувствовать себя идиоткой, потому что якобы она претендует на большее, нежели заслуживает.** Вот эти мамины фразы: «Это глупая идея, Лина» и «Откуда такое у тебя в голове, Лина?»

Или то, что мама категорически против того, чтобы отец взял Лину охотиться на уток, Лине до смерти этого хочется, но нет: мама желает, чтобы Лина и ее сестры были настоящими леди.

Мама задает слишком много вопросов. Она вечно следит за Линой. Она всегда на хвосте. Лина часто думает: «Да живи ты уже собственной жизнью! Живи своей чертовой жизнью! Хоть бы раз вернуться из школы и обнаружить, что ни хрена никого дома нет и можно наконец побыть одной!»

Но, конечно, ее бы это так не беспокоило, если бы она могла пойти к своему бойфренду Эйдену Харту, и смотреть с ним кино в полной темноте, и страстно, молча обниматься под колючим шерстяным одеялом, не думая ни о чем, кроме их абсолютной любви. А само это слово – *бойфренд*. Оно не укладывается в ее голове. Это что-то далекое и недостижимо прекрасное. Если у нее когда-нибудь будет бойфренд, она не будет воспринимать это как должное, каждое утро она станет просыпаться и говорить: «Чтоб я сдохла, у меня есть *бойфренд*!»

Если бы он только знал, как идеально она ему подходит. Он погладил бы ее по щеке и сказал бы: «Малыш, как жаль, что мы потеряли столько времени. Нужно все вернуть. Всю оставшуюся жизнь, каждую минуту я хочу касаться твоего тела».

А она положила бы палец ему на губы, как делала крутая девчонка в одном фильме: тсс, дружочек... И поцеловала бы его...

Вечером этой пятницы она предается своим фантазиям. Она лежит в постели в своей комнате, под одеялом. Свет потушен. На ней белые трусики. Ее ноги идеально сдвинуты, как деликатесное мясо в нарезке. Лина представляет свою жизнь, как сцены из фильма. Вот она целует его под дождем, вот на футбольной тренировке, вот в кинотеатре, а вот на белой скамейке в кафе-мороженом. Сейчас на ней только бюстик и трусики, и он лежит рядом с ней, его большие руки гладят ее белое тело, его палец ласкает ее пупок, а она начинает его целовать в губы. Вот их языки встречаются, скользят, ласкают друг друга, и она ощущает каждый его сосочек...

Раздается звонок телефона. Мама снизу зовет ее:

– Лина!

Сейчас шесть вечера. Лина берет трубку.

Это Дженнифер.

– Привет, – говорит Дженнифер. – Эйден говорит, что ты симпатичная, и мы собираемся сегодня устроить двойное свидание.

Эти слова переворачивают мир. Позабыты пятницы, похожие на вторники, позабыт мясной рулет и весь этот бред... Начинается совершенно новая жизнь.

Все, что произойдет этим вечером, она запомнит на всю жизнь. Ведь она наконец получит то, о чем мечтала. Это произойдет! Мечта станет реальностью!

Сентябрьский вечер теплый и безветренный. Они должны встретиться в кинотеатре. Их подвозят туда родители Дженнифер. Свежевыбранные ноги Лины всю дорогу дрожат. Она надела джинсовые шорты и розовую рубашку. Светлые волосы, как никогда, красиво рассыпались по плечам.

Машина подъезжает к кинотеатру. Их ждут двое парней. Лина поверить не может, что это происходит с ней. Она выходит из машины, опустив глаза, избегает смотреть ему в лицо. Она боится, что он взглянет на нее и подумает, что она недостаточно красива. Но потом что-то заставляет ее поднять глаза, что-то рассеивает ее страх.

Эйден.

Он стоит там, как настоящий мужчина. Он взрослеет быстрее остальных парней.

Она влюбилась в него давным-давно. Но на этот раз все происходящее – реальность. Между ними возникает химия. Их тянет друг к другу, словно магнитом. Вблизи он кажется застенчивым.

– Рад встрече, Лина, – говорит он.

– Я тоже рада, – отвечает она.

Эйден протягивает ей руку. Она чуть в обморок не падает, видя это.

Внезапно все перестает быть недостижимой мечтой. Это случилось не по ее воле. Она не добивалась, и это прекрасно. Она вспоминает, как думала, что в ее жизни никогда не будет счастья.

Лина берет его руку с уверенностью девушки, которая знает, что ее рука достаточно красива. Он улыбается и облегченно вздыхает. Род и Дженнифер уже целовались по-французски, а может быть, и не только. Их отношения уже не такие романтические. Лина всегда думала, что Дженнифер красивее ее, но сегодня ей так не кажется.

Парни уже купили билеты, и они вчетвером проходят прямо в кинотеатр. Девушки садятся рядом. Род садится рядом с Дженнифер, а Эйден с Линой. Она чувствует тепло его тела, и ей трудно справиться с волнением. Как хорошо, что они пришли не слишком рано и свет в зале уже приглушили. Он не видит ее пылающего лица, прыщей на лбу, ее восторга.

«Семь» – не из тех фильмов, что нравятся Лине. Много крови и насилия. На сцене, когда мужчину, повинного в грехе похоти, заставляют заниматься сексом с женщиной с помощью жуткого приспособления с кинжалом, который уродует несчастную, Лина не выдерживает. Ей настолько неприятно, что это сильнее желания сидеть рядом с Эйденом. Она поднимается. Он, не говоря ни слова, поднимается вместе с ней.

Она направляется к выходу, с торжествующей радостью чувствуя, что парень идет за ней. С ней никогда такого не случалось. В своей спальне она всегда была серой мышкой. Она идет быстрее и слышит, что он тоже прибавляет шаг. А потом он окликает ее тем словом, которое будет преследовать ее в мечтах.

– Эй! Эй, *мальш*, подожди. Все нормально?

Она оборачивается. Они стоят на свету под навесом. Ей кажется, что они попали в 1957 год. Мимо проносятся «Паккарды», и Кэри Грант говорит: «Привет, красотка!» – а Бетт Дэвис отвечает: «Йу-ху, леди!» Прямо *здесь*.

Он берет ее за руку. Она смотрит на него.

– Ты только что назвал меня «малыш»?

– Да.

– Мы же учимся в одном классе.

– Да.

– Ну?

– Тебе не нравится?

– Нет, – отвечает она, широко улыбаясь. – Мне нравится. Мне очень нравится.

И тогда это случается, самый романтический поцелуй в истории мира. Он проводит ладонью по ее щеке, медленно и неуверенно, как мальчик, хотя он больше похож на мужчину, чем любой парень из их класса. Она чувствует, что лицо ее охватывает пламя. Тысяча образов проносится в ее голове – говорят, так бывает, когда ты умираешь, а не во время первого поцелуя. Она видит маму внизу, у лестницы, и она называет ее ленивой. Она видит, как отец выходит из двери, он выходит, и дверь захлопывается за ним, а мама говорит: «Лина, убери грязь за собой! Лина, о чем ты думаешь? Лина, когда ты встанешь? Почему ты все еще в ванной?» Она видит, как сестры смотрят на нее злыми глазами. Она вспоминает ту ночь, когда умер ее кролик, а утром мама заставила выбросить его. Она хотела похоронить его, но она видит, как отец выносит кролика в мусорном мешке за дверь... И вдруг губы этого красивого парня оказываются на ее губах, она чувствует, как его язык проскальзывает ей в рот, и вот оно, то, о чем она только мечтала и читала в книжке «Как целоваться», которую дала ей подружка. В книжке говорилось, что языки движутся, как золотые рыбки, но их языки вовсе не рыбки, да и не языки, а души, души, которые бьются о влажные зубы. Лине кажется, что она сейчас умрет, и, если бы это действительно произошло, ее жизнь была бы полной.

– Эйден, – выдыхает она ему прямо в рот.

– Что, малыш?

Для некоторых женщин подготовка к встрече с любовником столь же благословенна, как и сама встреча. Порой даже лучше, потому что со временем любовники уходят, интерес ослабевает, но нежные моменты предвкушения останутся навсегда. Так и Лина: ей приятней вспоминать красоту падающих снежных хлопьев, чем серую слякоть под ногами.

Обнаженная Лина стоит за желтой шторкой в прямоугольной душевой кабинке. Она подставляет рот под струю воды, откидывает мокрые волосы назад, как это делают девушки в кино – большие пальцы заложены за уши, а ладони обхватывают макушку. Потом она приглаживает волосы. Она бреет ноги и лобок, оставляя то, что девушки постарше называют «взлетной полосой». Она намаливается душистым мылом, уделяя внимание всем местам, где он может ее поцеловать. Эти места она трет особенно сильно, тщательнее, чем следовало бы.

Время она выбрала идеально – сестра сейчас пойдет в ванную по пути в их общую спальню, так что Лину никто не потревожит. Обнаженная, она ложится на постель поверх полотенца и начинает втирать розовый лосьон в кожу, не пропуская ни единого участка. Потом она наносит макияж, но не слишком вызывающе – однажды она слышала, как Эйден заметил, что сильно накрашенные девушки хотят казаться старше, а становятся похожими на шлюх.

Она расчесывает и сушит волосы, чтобы они стали прямыми, но сохранили объем и красиво рассыпались по спине и плечам при ходьбе.

Лина душитя за ушами, под коленями и на внутренней стороне запястий. Лимонно-цветочный запах напоминает о пляже, чае со льдом и мятой, свежем океанском бризе. Духи – это последний штрих, они должны сохраниться надолго. Если по дороге Лине придется пройти

мимо курильщика, она вся изведется в молчаливом негодовании. Эйден курит, но ей хочется прийти к нему чистой, без запаха табака, хотя вполне возможно, что он будет курить, когда она придет.

Она нервничает. В животе странное ощущение, словно она не ела несколько дней. Она действительно ела меньше обычного, потому что такова любовь. Лина начинает это понимать. Любовь одновременно питает – и заставляет ощущать голод, так что ты полон и в то же время опустошен. Ты не хочешь ни есть, ни общаться с другими. **Ты хочешь только того, кого любишь, и думаешь только о нем. Все остальное – пустая трата энергии, денег, дыхания.**

Тайное место – это река, но это нечто большее, чем река. Даже сейчас, спустя двадцать лет, Лина, думая о тайном месте, вспоминает слово «река», хоть оно и не совсем подходит. Проблема в том, что лучшего слова нет. Как все лучшее в жизни, это не имеет названия. Никто из них не называл тайное место. Не называл вслух. Так Лина называла это мысленно. Вообще-то было и более простое название, проще, чем «река».

Там.

Я встречаюсь с тобой *там*.

Увидимся *там* в десять.

Сойти с автобуса – и вот это место, всего в четверти мили, в лесу, но не слишком далеко, рядом с двухполосной дорогой, которая пролегает по равнине.

В лес ведет тропинка, не дорожка, но достаточно заметная узкая тропинка, проторенная в траве кедами и ботинками.

Лина шагает в белых кроссовках и думает, что и она теперь причастна к созданию этой тропинки. Она думает обо всех тех, кто прошел этим путем до нее.

Вот это место. Поляна, заросшая высокой травой, узкий извилистый ручей в тумане. Самый лучший момент – увидеть его машину, старую и потрепанную, серую до незаметности. При виде этой машины сердце Лины начинает колотиться как безумное.

Они начали встречаться осенью, но скоро наступит зима. Эйден говорит, что нужно запасти одеялами – слишком дорого будет держать мотор включенным. Он сказал это в сентябре, когда до зимы было еще очень далеко. И глаза Лины увлажнились оттого, что он мысленно связывает свое будущее с ней. Очень долго она была удовлетворена одним только осознанием того, что объект ее любви видит в ней бьющееся сердце, живое существо, что включает ее в свою орбиту.

Лина видит, что его машина уже здесь, она слышит пение птиц в ветвях деревьев, хруст сучков под ногами. Она чувствует запах влажной земли и автомобильных выхлопов. В этом тумане голова идет кругом. Она заправляет волосы за уши – она много раз тренировалась перед зеркалом и знает, что так выглядит лучше всего. Все эти звуки, запахи, атмосфера... Это ее прелюдия.

Там, в машине, глядя куда-то вдаль сквозь деревья, в сизом облаке сигаретного дыма, сидит ее миф: парень, который всецело принадлежит ей, он ждет ее, он ценит самую ее сущность. Он – смысл ее жизни, ради него она забывает о матери, сестрах и об отце. Только он.

Там.

Когда-нибудь Эйден будет слишком много пить, у него будут дети, работа и зарплата, которой не хватает даже на газовый баллон для барбекю для летней вечеринки в день рождения. Когда-нибудь у Эйдена появится большой живот – и горькие сожаления. Он не станет ни десантником, ни астронавтом, ни бейсболистом. Он не будет петь в знаменитой группе, он не увидит Тихого океана. Он будет жить только для жены и детей, делать все, что в его силах (хотя считается, что мужчине всегда нужно заниматься чем-то вне семьи и работы), но он не сделает ничего такого, что запомнится навсегда. Только одна женщина будет помнить, кем он был для нее. Потому что для нее он был всем.

Дорогой дневник!

Я влюблена в Эйдена Харта, а он влюблен в меня!

Клянусь, я точно это знаю. На земле нет человека счастливее меня.

Стоит мне проснуться, и мне кажется, что я сейчас взорвусь от радости. Я так счастлива, что могла бы умереть. Наконец-то я знаю, что значат эти слова. Я могла бы умереть.

Приближается зима, и бешеная скачка их любовной истории начинает затихать. Лина ненавидит зиму. Она ощущает ослабление своей страсти так остро, словно лишилась одной из конечностей.

Школа и другие обязательства давят на нее. Мамины замечания становятся невыносимыми. Ей не нравится зимнее пальто, у нее нет настроения читать и учить что-то новое.

Примерно в то же время Лина узнает, что приятель ее старшей сестры запал на нее. Это одновременно и удивляет ее, и кажется совершенно естественным. Кажется, что из-за Эйдена она стала видимой для мира. Она популярна. Она знала, что так и будет. Она всегда знала. Но это знание не утешает, а ровно наоборот.

Этот приятель не то чтобы красавчик, но он старше, у него много друзей, он ходит на все вечеринки. В коридоре он подходит к Лине, когда та роется в своем шкафчике. Она чувствует на кончике носа его горячее дыхание. Он странно смотрит на нее – непохоже, что он на нее запал. Непохоже, что она вообще ему нравится.

Он рассказывает ей о вечеринке в выходные. Спрашивает у нее так, словно она уже приглашена. Она чувствует, что у нее кружится голова. Она боится отказаться. Это непохоже на свидание, но сама идея, что кто-то еще находит ее привлекательной, ей нравится. Она словно лампа в магазине, которая не была включена в розетку, но теперь она вспыхнула: и неожиданно покупатели стали останавливаться и подходить ближе. Взгляни-ка, дорогая, а может быть, *эту*?

Она влюблена в Эйдена, но ей кажется, что было бы неплохо повеселиться. Да и он может где-нибудь развлечься. Вообще-то в этом кроется серьезная проблема. В последнее время она не понимает, чем он занимается по вечерам. Она и раньше об этом не знала, но вдруг ей стало ясно, что ничего не изменилось. Они не стали настоящей парой, неразлучной, как Дженнифер и Род.

Лина убеждает себя, что приглашение на вечеринку – это здорово. Хорошо будет выбраться из дома. Но в действительности, если признаться себе честно, она идет на это, потому что Эйден не звонил ей уже несколько дней, а в школе хоть и улыбался, но был каким-то отстраненным – Лина просто пока еще об этом не размышляла. Но в подсознание эта мысль запала, как завещание матери. Воспоминания путаются. Парень, который пригласил ее, который вроде бы влюблен в нее, он не единственный. Она это знает точно.

Он привозит ее в дом приятеля, где вообще-то нет никакой вечеринки. Просто четыре парня сидят и выпивают. Она думает, а когда же мы поедем на вечеринку... И вдруг приятель ее сестры, который привез ее сюда, уходит... Или он уходит из воспоминаний? Теперь остались только комната, три пьяных парня и Лина.

Один из парней, теперь она называет его *первым*, протягивает ей выпивку в красной кружке. Она не уверена, что это спиртное. В кружке что-то фиолетовое или темно-синее, как океан. И на вкус это не спиртное. Вкус темный, густой, теплый. Лина никогда не пробовала спиртного, так что, даже если бы это был какой-нибудь ликер, она не поняла бы этого со сто-процентной уверенностью.

«*Первый* запомнился мне лучше всего, – скажет она потом, став старше, – и я знаю, что он был первым. Я запомнила его на всю жизнь. Мы сделали это. Я не знаю, как все случилось. Я просто почувствовала, что кто-то оказался на мне, и я знала, что это был секс. А потом, я помню, он скатился с меня, и я лежу на животе. Потом на меня залез другой парень. Я слышала,

как он сказал: «О нет, это же младшая сестра Эбби! Я не могу!» – и ушел. А потом был третий, но с этого момента память отключается. Я не сопротивлялась, насколько помню. Я просто расслабилась. **Я думала, что не хочу сейчас никому говорить «нет», я хотела, чтобы меня все любили. Я не хотела давать им повода не любить меня».**

На следующий день, а после него еще много дней подряд, все обсуждали только одну сплетню: что Лина трахалась с тремя парнями одновременно.

Слоун

У Слоун Форд очень длинные, очень красивые каштановые волосы. Невероятно теплый оттенок коричневого. Но она их не красит.

Она очень худенькая. Хотя ей слегка за сорок, она выглядит как первокурсница. В спортивный зал она ходит гораздо чаще, чем обедает с другими мамочками. Она одновременно и похожа, и не похожа на женщину, о которой ходят сплетни. Она вроде кажется искренней, но и немного скрытной. Она часто говорит что-то вроде: «Меня увлекает политика служения». Для нее обычный ужин – это микрокосмос динамики отношений между людьми близкими и незнакомыми в условиях, когда одна сторона связана с другой определенным договором, по крайней мере на несколько часов.

В определенном свете Слоун может показаться настолько самоуверенной, что это пугает, и люди остерегаются общаться с ней. А в другие моменты она открыта и щедра и кажется настолько маленькой и хрупкой, что друзья стараются ни в коем случае не огорчить ее. Сочетание таких качеств поразительно – и это очень притягивает.

Слоун замужем за Ричардом. Ричард не так красив, как она. У них две дочери, яркие и энергичные, как их мать. Третий ребенок в семье – Лайла, дочь Ричарда от первого брака. В семье они вполне искусно друг с другом повязаны, но в этом ансамбле присутствует определенная дружеская дистанция, которая позволяет каждому члену семьи ощущать себя самостоятельной личностью.

Они живут в Ньюпорте, на берегу залива Наррангансетт, где изысканные георгианские особняки выстроились вдоль скалистого берега. Их дом стоит на оживленной, но очень красивой улице, где люди летом покупают свежую рыбу и лобстеров на рыбном рынке. У Ричарда и Слоун ресторан, расположенный в нескольких кварталах от берега, где в порту на легких волнах покачиваются яхты. Ричард – шеф-повар, а Слоун ведет зал. Она идеально справляется с этим делом – такие женщины свободно носят длинные, в пол, платья и не теряются в них.

Главное время года для них, как и для всех на острове, – это лето. Летом зарабатываются основные деньги, а зима – мертвый сезон. В январе и феврале местные жители запираются дома, проводят время с семьей, тратя летние заработки и питаясь заготовленными овощами и соусами.

В холодное время года жители больше времени уделяют своим детям, их школьной рутине, концертам и спорту.

Но Слоун не из тех, кто только и говорит о своих детях, – по крайней мере, она не идет путем тех женщин, график жизни которых вращается вокруг расписания их детей.

Когда Слоун поблизости нет, люди говорят о ней. Для маленького городка это очень необычно, что человек предпочитает проводить время в спортивном зале, а не за уличной болтовней над корзинками со свежей зеленью. Но это не единственный повод обсудить Слоун. В городе ходят слухи, что Слоун спит с другими мужчинами на глазах собственного мужа. Иногда она делает это вне дома или вообще на другом острове, записывает на видео и отправляет записи мужу. Если Слоун не с ним, то она пишет ему подробные сообщения, чтобы он знал, как и что происходит. А иногда она спит с парой.

Не сразу становится понятно, почему она действует именно так. Она живет в этом городе круглый год, что странно само по себе. Семьи приезжают сюда только летом, чтобы провести пару недель на море. Иногда они живут здесь все лето, чаще с детьми остается только мать, а отец семейства приезжает по выходным. Но жить здесь постоянно, всю зиму – это чистой воды безумие. Здесь даже нет торговых центров и больших магазинов, где можно бродить часами. Выезжая из дома, надо составлять списки покупок и дел, которые нужно сделать во внешнем мире.

Путь к взрослой жизни у Слоун начался с рождественского банкета в доме босса ее отца, одного из богатейших людей Нью-Йорка. Дом с колоннами и персидскими коврами в престижном районе Вестчестер. Хрусталь и позолота. Стильные женщины в вечерних туалетах.

Снаружи пустынные улицы, ветки деревьев покрыты льдом. Слоун была спутницей отца, а ее сопровождал парень по имени Бобби, симпатичный, как все парни, с которыми она встречалась. Слоун исполнилось двадцать два года. Она только что оставила ресторанный бизнес, решив заняться театром. Почти каждый вечер она куда-то ходила, и ее ежедневник был переполнен разными событиями – от теплого пива в захудалых музыкальных клубах до холодного мартини в роскошных домах вроде этого.

Хозяйка дома, Сельма, элегантная женщина с серебристыми волосами, сразу же сказала: – Кита и Слоун мы посадим рядом.

Она сказала это прямо в присутствии спутника Слоун, Бобби. А что такого, все совершенно ясно. Кит – сын хозяев дома. Слоун – дочь правой руки хозяина дома, красивая, стройная, прекрасно воспитанная. Отлично подходящие для размножения партнеры, как две породистые лошади. И живут в двух кварталах друг от друга. Как можно было не подумать об этом раньше!

Слоун не слишком интересовали деньги. Хотя у этого молодого человека, Кита, денег было предостаточно. Его семья активно участвовала в финансировании различных проектов в мире искусства.

Через несколько недель Слоун уехала куда-то с Китом. Она была рада сделать это для своего отца. Понимая, что ее сексуальная энергия приносит пользу в мужском бизнесе, она чувствовала себя могущественной.

Кит спросил, куда бы ей хотелось пойти, и Слоун сразу же ответила:

– В «Вонг».

Она всегда знала, куда ей хочется пойти.

– Забавно, – ответил Кит. – Мой лучший друг работает там управляющим.

Слоун надела оливковую водолазку, узкие бархатные брючки и вечерние туфли. Они сидели за лучшим столиком, в алькове. Стол был рассчитан на шестерых, но в тот вечер его забронировали только для них двоих. Впрочем, Слоун привыкла быть особым гостем. В ушах ее сверкали маленькие сережки. Ресторан бурлил и жил своей интенсивной жизнью. Энергетика этого модного места ощущалась почти физически. Официанты двигались быстро и бесшумно. Они легко огибали друг друга, словно половина из них была призраками. Каждая тарелка представляла собой произведение искусства – белые и серые прямоугольники рыбы, увенчанные пирамидами овощей, глазированных чем-то красивым, сладким и блестящим. Запахи кислоты и жара. Радиаторы щедро согревали зал – о расходах никто не думал.

Лучший друг Кита подошел, чтобы узнать, не хотят ли они получить специальное дегуstationное меню от шефа. До ужина Кит и Слоун курили травку. **Слоун всегда идеально выбирала дозу любого наркотика. Иногда такая доза была чрезмерной, но она позволяла себе и это.** Например, в отношении спиртного. Она точно знала, что порой неплохо быть слегка пьяной.

Им подали пять блюд, и каждое следующее было еще более интересным, чем предыдущее. Но самое большое впечатление на Слоун произвело последнее, перед десертом. Черный морской окунь со спаржевой фасолью в роскошном соусе из черных бобов.

– Это просто потрясающе, – сказала она Киту.

А Кит улыбался и поглядывал то на нее, то на официанта, разделяющего рыбу. Стремительное развитие событий его развлекало. Слоун знала, что для таких парней, как он, это всего лишь очередной изысканный ужин с очередной красивой девушкой. Когда-нибудь у него будет бильярдная на первом этаже, сигарный дым, сыновья. А этот окунь станет палтусом или

тунцом. А Слоун сменит Кристина или Кейтлин. Но в тот момент, как и почти всегда, Слоун предпочитала находиться выше уровня своей головы.

– Чертов окунь! – воскликнула она, беря Кита за запястье. – Какой потрясающий окунь!

Изысканная еда всегда позволяла Слоун соединиться с другим миром, где ей не нужно было быть элегантно-сдержанной. В том мире сок окуня струился у нее по подбородку.

Когда Слоун и Кит почти прикончили окуня, к ним подошел шеф-повар. Косточки рыбы аккуратно лежали на блюде. Кит и Слоун были сыты и теперь от души веселились; Слоун сказала шефу, что его блюда были восхитительны, но особо рассыпаться в комплиментах не стала. Она проявила поразительное хладнокровие. Она даже не сказала, как взбудоражила ее приготовленная им рыба. Она бросала на шефа взгляды, но не очаровывала его – хотя могла бы, если бы захотела.

Шеф-повар в своем белом колпаке не произвел на нее большого впечатления. Но он улыбался, был симпатичным, и его блюда ей понравились. Ужин оказался идеальным, а общение с Китом было именно таким, каким и должно было быть общение с любым партнером в ее жизни.

Шеф вернулся на кухню и прислал им десерт. Шоколадный мусс с имбирным печеньем и ягодным соусом. Кит и Слоун выпили кофе, потом дижестив. Слоун отлично понимала, что большинство девушек ее возраста никогда не ели и никогда не будут есть таких блюд, пока не выйдут замуж, годам к тридцати.

На выходе Слоун повернулась к Кита и сказала:

– Если я когда-нибудь снова буду работать в ресторане, то это будет такое место.

Кит только за ужином узнал о ресторанном прошлом Слоун.

Конечно, слово «прошлое» было глупым. Но использование этого слова только подкрепляло мысль о том, что для такой юной женщины, как Слоун, работа в ресторанах – забавная причуда, не более того. Она выросла в состоятельной семье, жила в престижном пригороде Нью-Йорка, училась в школе Хораса Манна, откуда выходили будущие губернаторы и генеральные прокуроры. Но, хоть она и не нуждалась в деньгах для покупки одежды или блеска для губ, в пятнадцать лет Слоун пошла работать официанткой. Она заполнила заявление, а в графе «опыт работы» указала, что часами заполняла документы в отцовском офисе, а вечерами сидела с соседскими детьми.

Ее тянуло в рестораны. Ей нравилась атмосфера. Обслуживать людей. Надевать черные брюки и белые блузки и быть полностью ответственной за свои столики. Она видела, как другие юноши и девушки переходили от столика к столику, раздраженные, скучающие, нервные. Знала, что большинство из них не привлекает эта работа. Они не были поглощены своей ролью в этом действии. А ведь это была роль. Официант – мастер церемонии. Он становится управляющим столиком – и представителем кухни в зале. Конечно, деньги ей тоже нравились. Деньги – это оценка ее игры, комплимент, который может лишить дара речи, но никогда не заставит покраснеть. Все мужчины делали это. Оставляли на столике несколько двадцатидолларовых купюр, сложенных и сладострастно придавленных тяжелым стаканом.

Поначалу Слоун пыталась пойти правильным путем. Она подала заявление в Хэмпшир, и ее приняли. Она жила в общежитии с соседкой. Она носила сапоги для верховой езды и ходила по мостикам над замерзшими прудами и вдоль живых изгородей в академии Новой Англии. Она ходила на свидания, участвовала в жизни женской общины университета.

Хэмпшир она бросила, потом вернулась. Потом снова бросила. Все эти передвижения не были для нее ни тяжелы, ни мучительны. Просто она была молода и не уверена в себе. У нее был брат Гейб, который жил точно так же. Как только один из них поступал правильно, другой тут же шел кривой дорожкой. Когда родители могли наконец утешиться успехами одного, им приходилось серьезно беспокоиться за другого.

Работая в ресторанах, Слоун окончила несколько курсов, но никак не могла привыкнуть учиться. Она смотрела на своих соседей по студенческой аудитории: внимание, с каким они слушали лекцию, ее поражало. Такое состояние разума казалось ей недостижимым. Она гораздо комфортнее чувствовала себя в своем ресторанном мире, где жизнь бьет ключом, где непрерывно звенят бокалы, – и всегда возвращалась туда.

И все же этот вечер был особенным. Она снова почувствовала непреодолимую тягу – словно включился мощный магнит. Слоун уже несколько лет не работала официанткой. Вернулась в университет, стала посещать театры в центре города, подумывала о карьере продюсера. Она знала, как нужно разговаривать с людьми, умела заинтересовать чем-то новеньким скучающих богачей вроде друзей отца. Смотрела им прямо в глаза и говорила, что они пожалеют, если не вложатся в выставку этого художника или не поучаствуют в выпуске одежды для гольфа той фирмы. Слоун смело пользовалась своей внешностью: волосами, улыбкой, молодостью и своим положением в этом мире. Проигнорировать ее было невозможно.

И вот теперь она была в ресторане с Китом, сыном отцовского начальника. Именно этого отец от нее и хотел. И мама тоже. Скатерти с монограммой. Корзинки для пикника в багажнике «Рейндж Ровера». Близнецы в воротничках Питера Пэна. Слово «экрю». Сент-Джон. Рождество в Аспене. Теллурид¹.

Если я когда-нибудь буду снова работать в ресторане, то это будет такое место.

Видимо, она сказала это достаточно громко, чтобы управляющий ее услышал.

На следующей неделе он позвонил ей и предложил работу. Она с радостью приняла предложение. Она все еще не осознавала, даже сейчас, как скучала по ресторанному миру, по его суете, шуму, по его значимости. Это было сродни политике.

Хотя работала она в зале, Слоун постоянно пропадала на кухне – это было частью ее профессиональной подготовки. В ресторане считали, что все сотрудники должны обладать достаточными познаниями чтобы, когда клиент спросит, как приготовлен морской окунь, официанты могли бы дать компетентный, исчерпывающий ответ.

Обычно новичков отправляли поочередно на разные этапы подготовки – холодные закуски, горячее, десерты и т. п. Но Ричард, шеф-повар, поступил с ней иначе.

Он встретил ее в зале. Вытер руки влажной тряпкой. У него были резкие, угловатые черты лица и глаза, которые могли лучиться попеременно то теплом, то лукавством.

Ричард улыбнулся и предложил:

– А что, если нам сделать шарики из мацы?

Слоун засмеялась. Шарик из мацы? Она огляделась вокруг. Они были в обеденном зале ресторана французской и тайской кухни. Звучала тихая музыка. Слоун опустила глаза на ковер. Его орнаменты и расцветки вдруг навели ее на мысли о пирамидах посреди песчаной пустыни в тех странах, которые никогда не видела. Иногда Слоун представляла, что возникает ниоткуда и любое место, где она окажется, могло быть другим. И что никто не скучает по ней ни дома, ни в университете. Но все же знала, что часто именно она становится центром вечеринки. Знала, что, не увидев ее до десяти вечера там, где она должна быть, люди начнут спрашивать о ней. Ей мерещилось, что однажды другие женщины скажут: «Хотелось бы мне, чтобы Слоун была моей мамой», – после того как она устроит изысканный прием в честь дня рождения своего сына-третьеклассника.

И вот она стояла в этом ресторане, чувствуя, что находится в теле человека, которого до конца не понимает. Отчасти это чувство было связано со страхом отсутствия самоидентичности. **Она никогда не знала точно, кто она такая, и поэтому изо всех сил старалась сосредоточиться на том, чтобы хотя бы не быть скучной.** Иногда она совершала стран-

¹ Город в штате Колорадо. – Прим. пер.

ные, совершенно не похожие на нее поступки, лишь бы только никто не назвал ее скучной. Но из-за этого же она чувствовала себя неспособной на любовь, холодной и испорченной.

А рядом был Ричард. Шеф ресторана. Он старше ее, но не настолько, чтобы казаться по сравнению с ней стариком. Он не был богат, не был эксцентричен. У него не было личного самолета. Он не был развращен. Он не был похож ни на одного из мужчин, которые окружали Слоун. Особенно в тот период, когда ее тянуло к плохим парням, гитаристам и мрачным неухоженным типам на мотоциклах.

Ричард был не таким. Чисто выбритый шеф-повар в белоснежном колпаке, занимающийся любимой работой. Она слышала, что он живет с маленькой дочерью.

Он привел ее на кухню. Длинный стол из нержавеющей стали сиял так, что она видела отражение собственного подбородка. Отражения не тревожили ее. Она знала, как ей повезло. У нее были подруги, которым собственные отражения не нравились. Они всегда старались держаться подальше от зеркал или же рассматривали себя с мазохистским удовольствием. Слоун этого не делала. Заметив свое отражение в витрине или на сверкающем сталью столе, она лишь раз убеждалась в том, что и без того знала. Ей всю жизнь говорили, что она красива. Началось это еще в детстве. Об этом говорили и тетушки, и незнакомые люди. Ее гладили по волосам, словно она была ретривером на лужайке перед замком Фортуны.

Ричард достал коробки с мацой. Слоун всегда нравилось в ресторанах это несметное количество опрятных коробочек с разными полезными вещами. Например, томатный соус. Можно было окружить всю кухню по периметру одинаковыми банками соуса, повторяющимися до бесконечности.

Чтобы приготовить блюдо, они растолкли мацу. Ричард достал чеснок, соль, разрыхлитель. Все ингредиенты он смешал в большой миске. В другой он стал взбивать яйца и смалец. Укроп он нарезал заранее. Слоун поняла, что он рассчитывал на ее согласие делать шарики из мацы, и ей это понравилось. Слоун уважала решительных людей. Ей также нравилось, когда решения принимались за нее. Она надела предложенный фартук – стандартный, но красивый.

Ричард смешал содержимое обеих мисок, показал, как перемешивать компоненты вилкой – не слишком энергично. А потом научил ее делать шарики с помощью холодной ложки. Их руки встречались. Слоун чувствовала тепло его притягательности. Но чувствовала она и что-то новое. Страсть и вождение она испытывала и раньше. Она кидалась из одной кровати в другую и ощущала себя одновременно и в церкви, и в аду. Но это чувство было иным.

Они выложили шарики на поднос и убрали в холодильник. Ожидая, пока шарики застынут, они разговаривали. Ричард показывал ей свою кухню, и они рассказывали друг другу свои истории. Рядом никого не было – работники входили и выходили, но они их не замечали.

Ричард рассказывал ей о своем еврейском происхождении. И Слоун поняла, что шарики из мацы были его способом сказать: «Вот кто я, вот откуда я». Он рассказал ей о своей дочери Лайле. Как большинство девушек ее возраста, Слоун не представляла, каково это – иметь детей. Мысль о беременности повергала ее в ужас, когда она оглядывала комнату в общежитии или квартиру, которую делила с подругой или бойфрендом, и пыталась представить, где тут можно поставить колыбельку. Она смотрела на оставшиеся после выходных бутылки *Grey Goose* и глянцево-стопки журнала *Vogue* и теряла дар речи. Племянников, для наглядного примера, у нее тоже не было.

Когда шарики из мацы были готовы, они достали их из холодильника и стали опускать в кипящий бульон. По кухне распространился сочный хлебный аромат. Слоун это нравилось. Это был запах дома. Дома, которого она еще не знала, но ведь *дома* пахнут именно так.

Она чувствовала на себе взгляды Ричарда: он смотрит на нее, ловит движения ее рук над кастрюлей с бульоном. Она уверена, что он не даст ей обжечься и, если кастрюля внезапно перевернется, он, как ниндзя, изменит траекторию полета кастрюли или даже обожжется сам,

позволив бульону просочиться сквозь его тонкие черные брюки, и на ошпаренных ногах останутся раны цвета сырой свинины...

Когда шарики сварились, они положили их в суп, и весь персонал уселся по-семейному за обед. Слоун посматривала на обедающих. Официанты, хозяйки зала, управляющий – все они казались ей менее опытными в жизненных взлетах и падениях, нежели она сама. По крайней мере, так ей казалось в тот момент. Она чувствовала себя маленькой богиней. Уникальной, не принадлежащей ни к какой категории. Великодушной и жестокой. Прекрасной и пошлой. Богатой и бедной. Верующей и безбожной. Она представляла собой баланс противоречий, как все эти девушки, бомбы замедленного действия, у которых крутые богатые отцы и хрупкие, пугливые матери. Она всегда оказывалась не там, где хотела оказаться, однако имела все, чего желала. Большую часть из двадцати лет жизни она была призраком в легких одеждах. Она пила апельсиновый сок за элегантными столиками, изысканно наряжалась на Пасху. Но впервые она почувствовала, что если сейчас покинет эту комнату, то всегда будет сожалеть об этом. Именно здесь она должна быть – она чувствовала это всем своим существом. Она ела суп, и суп согревал ее.

По прошествии дня, проведенного на кухне с шариками из мацы, Слоун окончательно освоилась в ресторане. Ресторан стал ее местом, и она заняла в нем достойное положение. Ресторан поглотил всю ее жизнь. Впрочем, так и бывает с работой в той или иной степени, но когда работаешь в ресторане, то в силу самого характера такой работы, которая захватывает твои часы по вечерам и выходным, эта работа становится твоей настоящей жизнью. Она становится центром, вокруг которого вращается все остальное. Когда Слоун предстояла длинная смена в ресторане, она тратила на прическу уйму времени – ведь волосы должны оставаться чистыми и красиво уложенными целых десять часов.

Как-то ранним вечером, когда солнце клонилось к закату, она почувствовала, что на нее смотрят. Она подняла глаза и увидела Ричарда. На ней были модные облегающие брючки. Слоун ощущала себя высокой, красивой и полезной. Она медленно направилась к стойке, чтобы поставить в канделябры ароматические свечи. Она знала, что в этой позиции Ричарду будут лучше всего видны ее прелести. Она специально наклонилась над канделябром именно так. Ей не нужно было оглядываться, чтобы убедиться, что он смотрит, – его взгляд прожигал брючки и покалывал ей кожу.

По утрам Слоун часто подрабатывала в кофейне, расположенной в книжном магазине. Не потому, что ей нужны были деньги. Просто ей хотелось охватить больше возможностей для применения своей нерастроченной энергии. Она наслаждалась изучением разных моделей бизнеса. Ей нравилось повсюду запускать свои щупальца. В кафе заходили студенты из Нью-Йоркского университета. Они ели гранолу, йогурты и сальвадорские кукурузные лепешки. То они приходили мрачными, явно с похмелья, а то жизнерадостными и веселыми. Она прислушивалась к их разговорам, наблюдала за ними, держа весь зал под прицелом. Так ей становилось понятней, как можно управлять их эмоциями, чем сидя рядом с ними в аудиториях и удивляясь, как им удается усваивать всю эту информацию.

Слоун все чаще размышляла о том, как она начнет собственное дело. В книжном магазине у нее был один коллега, с ним она обсуждала покупку помещения, которое они могли бы превратить в ресторан и клуб. Она мечтала совместить хорошую кухню с живой музыкой в стильном и модном заведении. В таком местечке, где компания могла бы провести целый вечер. После стейка и артишоков друзья могли бы остаться, чтобы выпивать, танцевать и слушать выступление какой-нибудь группы.

Она присматривалась к Западному Бродвею, где в то время за Каналом располагались парковки, табачные лавки и теснились ветхие дома. Теперь это модный район, где у подъездов стоят швейцары, а на крышах раскинулись сады, где в овощных бутиках продают латук, выращенный на гидропонике, а парни в стильных темных очках делают селфи на фоне мест-

ных достопримечательностей. Слоун всегда умела оценить потенциал хорошего места, опередив всех.

В те немногие свободные часы в своем графике Слоун встречалась со своим экс-любовником Джаддом или с девушкой по имени Эрика. У Джадда были темные глаза, бледное лицо – и мотоцикл. Слоун нравилось, что после ночи, проведенной с Джаддом, ее волосы были растрепанными. Но он не всегда перезванивал так быстро, как ей хотелось бы. С Эрикой все было более предсказуемо. **Хотя с женщинами и непросто, в отношениях с ними есть хоть какая-то определенность. Они чаще звонят, быстрее отвечают.**

Эрика была не первой женщиной Слоун. В Хэмпшире была девушка по имени Лиа. Они встречались, как многие встречаются в колледже. Как-то зимним вечером Лиа заявила, что ей нужен пенис. Они позвонили молодому человеку, с которым обе встречались когда-то в прошлом, порознь. Втроем они больше хохотали, чем занимались чем-то еще. Но в тот вечер все смешалось. Слоун возбуждали многочисленные следы слюны на ее бедрах.

В Нью-Йорке, с Эрикой, все было серьезнее. Кроме того, Эрика не признавала мужчин. Иногда Слоун ощущала дисбаланс в отношениях двух женщин, одна из которых любила спать с мужчинами, а другая – нет. Потому что вторая считала первую предательницей. Ей казалось, что той нужно больше, чем пенис, чем то, что можно заменить обычным фаллоимитатором, – но сама идея мужчины, идея существа доминирующего, идея экстатического подчинения маскулинной энергии...

Слоун не хотела мужчину подобным образом и не нуждалась в этом, но от жизни она жаждала больше, чем мог дать ей один человек. Грандиозного опыта. Чтобы вечер перерос во что-то более сложное. Она пригласила Эрику в «Вонг», где та стала официанткой. Слоун всегда смешивала свои миры. Она не боялась этим все испортить – потенциальный хаос ее возбуждал. После работы все они собирались вместе, выпивали, говорили об успехах и неудачах. Словно околдованные энергетикой этого места, они обсуждали, как на следующий вечер сделать ощущения клиентов еще более приятными. Присутствовал и сексуальный элемент. В ресторанном мире Слоун всегда чувствовала себя по-настоящему живой.

Но иногда атмосфера ресторана начинала казаться тесной и душной, а присутствие Эрики – навязчивым. И тогда Слоун исчезала на несколько вечеров: уходила к Джадду. С ним она пила, принимала наркотики, трахалась где попало. Джадд напоминал ей чердак, мрачный и холодный. Порой в эту историю вовлекали Сиды и Нэнси. Слоун не понимала, можно ли назвать Джадда ее бойфрендом, хочет ли она, чтобы это было так. Но ей нравилось, как она начинала волноваться из-за того, что он ей не звонит. Ей нравилось быть готовой откликнуться на его зов. Тушь для ресниц, прозрачный тюбик блеска для губ.

В этом круговороте их мотало несколько месяцев: они расставались и встречались снова, то жили вместе, то бросали друг друга и снова возвращались. Он был безумен, и она становилась безумной рядом с ним.

А потом начались третьи отношения – с Ричардом, шеф-поваром «Вонга». Хотя поначалу все было как-то не так. Не было ни грандиозного секса, ни вечера с виски, ни неловкости, когда все произошло. Химия между Ричардом и Слоун была взрывной, но в то же время ясной и чистой. Он был уже не ребенком. Дома у него была восьмимесячная дочь от женщины, с которой он все еще был близок, но любви между ними не осталось. Он был отцом, хотя Слоун никогда его так не воспринимала. Он казался тем, на кого можно спокойно положиться. Слоун чувствовала, что и ей нужно повзрослеть. Нет, скорее она знала, что ей нужно повзрослеть. Хотя она не понимала, кем хочет быть, но всегда знала, каких ориентиров надо держаться, чтобы добиться своего. Это знание было побочным продуктом происхождения из такой семьи, как у нее.

Она не говорила Джадду, что между ними все кончено. Они отдалялись друг от друга постепенно, маленькими шажками. Она усвоила, что важно никогда не быть честной, но и

никогда не лгать. Она стала дольше задерживаться в ресторане, выпивать в баре, пока Ричард готовил для нее и других официантов свои экспериментальные блюда. Блинчики с начинкой из пикантной свинины, украшенные перышками зеленого лука. А потом настал вечер, когда Слоун не стала встречаться с Джаддом. Он звонил, и звонил, и звонил... Когда ей этого хотелось, он ни разу не был так настойчив. На следующий вечер она ушла домой с шефом.

Утром Слоун открыла глаза. Ричард уже проснулся и смотрел на нее. Взгляд его был таким особым и сосредоточенным, что она шутливо спросила:

– Думаешь, что нам нужно стать парой?

На полках аккуратно лежали детские игрушки. В кухне стояли коробки с воздушным рисом, а на стойке сушились детские бутылочки и соски.

Ричард подпер голову рукой. Солнечный луч высветил пыль на полу.

– Я думаю, что мы уже пара, – сказал он.

Начало их отношений не было столь драматичным, как это случилось со Слоун почти всегда прежде. Тут ей сразу стало ясно, что все под контролем. Ей не пришлось идти на хитрости, чтобы Ричард раскрыл ей тот кусочек внутри себя, который в Джадде и других мужчинах всегда был за семью печатями. Этот кусочек был даже не любовью, а скорее стабильностью. Это была суть другого человека, терпеливо ожидавшая, когда она приспособится к ней. Ричард был уверенным в себе, сильным, властным мужчиной. Он никогда не ревновал, не проявлял злобы. Он был талантливым и надежным. На кухне он отдавал приказы своим подчиненным спокойно и решительно. А главное, он страстно желал ее. Он желал ее всегда. Конечно, она тоже желала его, но его бешеная ненасытность заставляла ее чувствовать себя самой желанной женщиной в мире.

Их объединяли и жизненные цели. Оба хотели открыть ресторан. Кроме того, он мог бы взять на себя кухню, а она – зал. Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Через семь месяцев, в июле, Слоун пригласила Ричарда в Ньюпорт, в летний дом родителей. Город произвел на Ричарда огромное впечатление, как на всех новичков. Когда машина въезжала на гравийную дорожку, которая вела к шикарному белоснежному дому в частных владениях на скалистом берегу, можно было наконец позабыть о толпах народу на пляже и в городе. На небольших прилавках без присмотра фермеров здесь можно было купить яйца и зелень, оставив деньги в специальном ящичке.

В этом месте был один недостаток, как и во всех местах, которые слишком любимы туристами. Июль – разгар сезона, и было очень трудно найти место, чтобы поесть. Приезжие заполняли лучшие рестораны на набережной, шефы и официанты не справлялись с наплывом гостей.

Когда им наконец достался столик, скатерть была в пятнах. Перед тем как посадить следующих клиентов, скатерти не меняли. Слоун посмотрела на Ричарда, который сидел над тарелкой, где лингвини плавали в жидком соусе из моллюсков цвета пляжной воды. **Он посмотрел на нее. Решение было принято в центре пересечения этих взглядов.**

К сентябрю они купили красивый дом цвета мяты в центре города. К дому был пристроен ресторан. Да, может быть, это было опрометчиво, и в этом Слоун соглашалась с некоторыми друзьями, но уж вовсе не глупо. Лучшего шефа, чем Ричард, не найти. Она поняла это в первый вечер, в тот самый момент, когда был подан приготовленный им окунь. Она не знала, станет ли он для нее идеальным партнером, но была готова попробовать.

Вот так бывает, когда видишь своего мужа с другой женщиной. Тебе хотелось бы отключиться, но напиваться нельзя. Если напьешься, тебя охватит иррациональная ревность. Ты перестанешь мыслить трезво. У тебя отключится та часть мозга, которая твердит: «Нет, он любит тебя, а это всего лишь забава».

Муж должен быть целиком и полностью сосредоточен на тебе. Да, предположим, с ним что-то происходит, но это лишь физиология, ему нужно это прочувствовать, пережить, насладиться. Но мысленно он должен быть сосредоточен на тебе. Он должен чувствовать твое присутствие – и в этой комнате, и у себя в мозгах.

Девушка может делать, что захочет. Управлять девушкой невозможно. Она должна быть очень привлекательной, но не такой привлекательной, как ты, – ни в твоих глазах, ни в глазах твоего мужа.

Эта сцена не может быть порнографической. Это то, что вы решили пережить вместе, внутри ваших любовных отношений. Ты все проверила, ты отдаешь себе отчет в происходящем.

Осознание. Тебе казалось, что ты понимаешь это слово, но его нужно впитать в себя. Муж должен осознавать тебя так, словно находится в твоём мозге. Это должно возбуждать *тебя*, а не другую женщину. И даже если он трахает эту другую женщину, он должен мысленно трахать тебя. Каждый толчок внутри этой женщины – толчок внутри тебя. Это не обычный групповой секс, даже если кто-то так это называет. «Групповой секс» – это относится к другому времени, к другим людям, но не к Слоун. Она – женщина изысканная, и таков же ее мир, ее простыни, ее мысли.

Это похоже на безграничную сексуальность, но не в том смысле, в каком ее понимают гедонисты или хипстеры. Если сравнивать сексуальную жизнь с накрытым столом, то стол должен быть длинным и прочным, пышно украшенным рогами и цветами. В бокалах – вина и портвейны, а гостям подают десерт и салат одновременно. За столом должны стоять как кресла с бархатной обивкой, так и простые барные стулья, впрочем, гости могут сидеть и на столе, обнаженными или в причудливых нарядах.

Все началось в ее двадцать седьмой день рождения. В первую неделю июля, более десяти лет назад. Ресторан работал уже два года. Белые карнизы, солнце. Она была довольна тем, что построила. Она чувствовала, что сделанное ею было не напрасным и имело смысл.

Было жарко. Ньюпорт гудел, как обычно в летние выходные. Четвертое июля – главный уик-энд сезона. Туристы покупают цветы на фермерском рынке. Они несут их в свои машины с кондиционерами, в трейлеры, в старинные кабриолеты – со стеблей капает вода. Ржавчина на машинах – это новый шик, это заявление. Молодые девушки с длинными волосами расхаживают в откровенных топах и свободных брюках. Каждый год в моду входят сандалии нового вида.

Утром Слоун пришла в ресторан, чтобы поработать с документами.

Она провела рукой по стальному столу на кухне, полюбовалась холодильником, полным летних овощей. Кухонными устройствами, блендерами, идеально заточенными ножами. Все это принадлежало ей. Она могла за один вечер накормить сотни человек.

В другом конце комнаты раздался какой-то шум. Она подняла глаза и увидела Карин. Слоун мало что знала о ней, только то, что девушка недавно окончила колледж. Как многие девушки, которые не знают, чем заниматься и где жить, Карин стала работать в Ньюпорте, где отдыхали родители ее друзей. Она несколько раз была здесь в детстве и знала, к чему можно стремиться. У нее были очень темные волосы и темные губы. Почти как у вампира. Словно они были полны свернувшейся крови.

Стройная, сексуальная Слоун прямо на кухне стала думать о том, в чем она лучше Карин и в чем Карин лучше ее. Слоун была стройнее, Карин – моложе. Слоун была хозяйкой ресторана, а Карин просто здесь работала. Но все могло бы быть и наоборот. Лучше бы Карин оставалась наемным работником, красивой девушкой, подчиняющейся приказам. «Разве не о таких мечтают мужчины?» – думала Слоун. Нет, Слоун была уверена в себе. Она – альфа, сильная и уверенная, любит развлекаться, но возвращается домой вовремя, чтобы ее не искали. Карин

была ребенком, с ней не о чем говорить, разве сходить на концерт, она хороша в спальне только в первые пятнадцать минут, прежде чем наскучит смена позиций. Слоун понимала, что эта девушка слишком много двигается, слишком много показывает, слишком много смеется. В ней все было ярко и привлекательно, но как-то чересчур – она слишком спешила увлечь мужчину. Слоун же, с ее длинными волосами, гибкой фигурой и пугающей красотой, была куда как многограннее. Любой мужчина в мире пошел бы за ней – и остался с ней навсегда.

– Привет, – сказала Карин.

Это прозвучало необычно, тепло и дерзко.

– Привет, – ответила Слоун.

Это тоже прозвучало в особой манере: с любопытством, осуждением – но и с налетом чувственности.

– Сегодня ваш день рождения?

Слоун кивнула. Она почувствовала на губах улыбку. «Неужели все так просто?» – подумала она. Достаточно кому-то сказать, что у тебя день рождения, и твоя оборона рухнула. Словно тебе семь лет и ты надела новое платье в горошек.

Слоун не знала, что за несколько дней до этого **Карин сделала Ричарду предложение**. «**А что, если я присоединюсь к вам с вашей женой в спальне?**» – сказала она. Конечно, сказано это было не совсем так. Если нет аудиозаписи той фразы, то никогда не поймешь, в чем заключался реальный вопрос. На него невозможно ответить. Нельзя адекватно оценить, как именно это было сформулировано. Слоун знала, что между тремя не бывает абсолютной честности – в любом виде секса.

Слоун представила, как Ричард поднял брови, занервничал, смутился. Жены рядом не было. Он был хорошим мужем. «Можете предложить это Слоун, если хотите», – ответил он. И он вернулся к своей работе – продолжил готовить еду для сотен гостей.

Карин предложила устроить выходной, раз такое дело. Она недостаточно хорошо знала Слоун, чтобы фамильярно предлагать уйти с работы, и поступила так именно по этой причине. «Возьмем бутылку шампанского и поедем на пляж», – сказал она, беря Слоун за руку.

Слоун взяла с собой собаку, они прихватили шампанского и поехали в Напатри-Пойнт. Две женщины расстелили полотенца. Ногти на ногах у них были покрашены, ноги и ступни покрывал идеальный загар. Океан был прохладным, спокойным. Как снегопад застигает мир покрывалом, так и океан накрывает всё своим белым шумом. Женщины пили шампанское, ели виноград, слушали музыку, и Слоун чувствовала себя девочкой. В Карин было что-то такое, что заставляло Слоун ощущать себя не просто юной, а ребячливой. Карин командовала. Наверное, потому что Слоун ей это позволяла – ей было приятно, что она может расслабиться и подчиниться кому-то, просто ради разнообразия.

На закате они вернулись в дом Слоун и Ричарда.

После дня, проведенного на пляже, присутствие посторонней женщины в доме показалось странным. Какой-то едкий запах, словно от увядших роз. На языке Слоун ощущала пепельный вкус засохших розовых лепестков. Она вся горела от песка и солнца, кожа казалась одновременно шершавой и влажной. Казалось, ночь может завести их куда угодно, хотя, конечно, путь вполне знаком. И бесповоротен.

Сначала женщины находились в доме одни. Слоун хотела отправить Карин домой до возвращения Ричарда. Но ее что-то остановило. Спиртное, для начала. Иногда нечто дурное кажется безобидным, как гомеопатия.

Через час они услышали, как подъехала машина. Ричард присоединился к ним за столом. Он не принес торт. Пару дней назад весь город отмечал Четвертое июля так, словно это главный день года в жизни этих людей. Слоун устала праздновать и не хотела отмечать свой день рождения, и поэтому в доме не было ничего, кроме алкоголя и легких закусок.

Они втроем пили коктейли и вино. Слоун была уверена, что при таком развитии событий нужно пить. Выпивка в этом случае даже важнее участников вечеринки. Она хотела дойти до идеального опьянения. Белое вино было хорошим, мягким. А кроме алкоголя для отношений втроем нужно еще что-то. Слоун знала. Нужны слова.

Одно ведет к другому.

Вовлеченные в игру редко могут сказать, в какой конкретный момент все началось. Потому что это невозможно. Нужно признаться в том, что ты добиваешься чего-то сомнительного, чуждого. Муж, который желает войти в другое тело, сжать другую грудь. Жена, которой надо увидеть, как ее муж хочет другую женщину, чтобы захотеть его так сильно, как она мечтает. Третья персона (в открытом топе), которую, в общем-то, никто здесь не любит, которая явилась сюда как неразгаданный шифр. Муж, который делает первый шаг. Жена, которая закрывает глаза на первый шаг. Третья персона, которая весь день ничего не ела. Кто-то включает музыку. Кто-то наливает вино. Кто-то поправляет губную помаду. Кому-то больше нравится эта позиция. Кому-то не настолько больно, как должно было быть. Кто-то пугается чьей-то ненасытности. Кто-то боится показаться недостаточно сексуальным. Кто-то зажигает свечу. Кто-то закрывает застекленную дверь. У кого-то падает сердце. Все это происходит с телами, и в то же время с телами не происходит ничего.

Одно ведет к другому. Слоун *заигрывает* с Карин. Это слово означает объятия, поцелуи, физическую близость с человеком, с которым у тебя нет отношений. *Заигрывает* – никакого особенного подтекста, никакого смысла. Скорее это означает неосторожность, ошибку. Но это слово небезосновательно врезается в память Слоун.

Одно ведет к другому. Слоун *заигрывает* с Карин, а потом приходит Ричард. Он целует Слоун в плечо, пока Карин целует ее в губы.

Слоун всегда любила играть с девушками. Это было не просто притягательно, но еще и легко. Она никогда не думала: «Боже, я целуюсь с девушкой!» Даже в колледже, когда ее первой партнершей стала Лиа. Слоун всегда считала, что отсутствие четкой линии между полами и в собственной ориентации – это признак зрелости.

Но сейчас она замужем. И это не просто девушка, это ее муж и другая девушка.

Она осмыслила это и сказала себе: «Эта девушка пришла ко мне. Это не Ричард сказал: «Я хочу, чтобы ты трахнула эту девушку». Это мы с ней были на пляже. И сначала были он и я, а эта девушка – лишь дополнение. Это забавно».

Два года назад, когда Слоун решила переехать в Ньюпорт – точнее, когда она решила не быть такой, как ее мать, – она прокатилась на соседний Блок-Айленд. Она припарковала машину внутри парома и поднялась на верхнюю палубу. Стояла и смотрела на темную, синюю воду. Холодный соленый воздух трепал ее волосы. Слоун думала, какой женщиной хочет быть. Всю жизнь она думала об этом. Одри Хепберн в «Завтраке у Тиффани», Ким Новак в «Головокружении». Эти женщины были всегда окутаны сигаретным дымом и интригой. Но самым вдохновляющим было то, что они не собирались приносить извинений за свои действия. Даже Холли Голайтли, которую жизнь швыряла как в шторм по волнам, по утрам всегда договаривалась с собой в своей маленькой ванной – и решала выйти на ринг одна против всего мира.

В тот день, на пароме, Слоун решила, что хочет быть безукоризненной. Ничто не сможет сбить ее с пути. Она будет держать себя в руках. Будут моменты испытаний, но каждый из них станет для нее уроком. И вот он – один из таких моментов. В ее доме сидит чувственная молодая девушка с бокалом вина в руке.

И все же Слоун недостаточно хорошо знала своего мужа. Они были женаты лишь несколько лет, и половину этого времени они посвящали его дочери, а остальное время – своему ресторану, который нужно было строить, создавать, сочинять меню, нанимать и увольнять персонал. Это была сплошная гонка. Слоун не была уверена, что мужу нужна только она, одна

она во всем мире. А вообще, можно ли быть уверенной, что ты знаешь мысли и чувства другого человека?

Но одно она знала точно: Ричард прежде ничего подобного не делал. Сначала он был не уверен, даже встревожен, потом кто-то сказал что-то глупое и обезоруживающее, оборона пала – и одно повело к другому.

Все происходило медленно. Женщины начали целоваться, а потом они обе расстегнули ремень Ричарда и сняли с него брюки. Стали по очереди сосать, вежливо улыбаясь. И все сразу стало легко, глаза заблестели от абсурдности и возбуждения. Одно вело к другому, и неожиданно муж Слоун оказался позади этой другой женщины. Он трахал ее, и что-то внутри Слоун остановилось. Не сердце, но что-то, что управляло ее телом. Она чувствовала, что ее душа таяла и уходила куда-то далеко. Физическое ее тело ослабело, и она рухнула на постель.

Ричард сразу это заметил. Он немедленно извлек себя из другой, приблизился к жене, спросил:

– Что случилось?

– Мне тяжело это видеть, – ответила Слоун. Она смотрела за него, на свечу на ночном столике. В воздухе пахло инжиром. – Похоже, я еще не готова.

Она подумала, что глупо использовать слово «готова». Когда можно быть готовой к чему-либо? Или жизнь – это цепочка событий, к которым нужно готовиться, и только идеальная подготовка позволяет тебе нормально существовать в настоящем?

Слоун уже не понимала, что делала в тот момент девушка. Ей было все равно. В тесной комнате были она и ее муж. Ей нравилось, что Карин молода, намного моложе Слоун, но было ясно, что она делала это не впервые – это нечто очень *взрослое*. Девушка ждала в постели. Она явно знала, как все будет происходить. И чем все закончится.

Слоун была смущена. Да, она фантазировала о том, как ее муж будет трахать другую женщину на ее глазах, но никогда не говорила об этом вслух. И все же она часто думала об этом, даже в самые неподходящие бытовые моменты. Неожиданно все показалось ужасной ошибкой. Вскоре она снова будет представлять, как Ричард трахает другую девушку, и это будет ее заводить, но сейчас она чувствовала, как жизнь утекает из нее. **Ее муж утешал ее – что за бред! – с восставшим пенисом, который только что побывал в другой женщине, работнице их ресторана.**

Одно вело к другому, и они как-то это пережили. Слоун решила, что она выдержит. Ведь это уже случилось. Ее муж был внутри другой, у нее на глазах. Она видела, как содрогается его спина. Путь назад отрезан. Даже в самых сложных и запутанных фантазиях Слоун не могла себе представить ту машину времени, которая помогла бы им вернуться в прошлое, где ничего этого не было.

Мэгги

Впервые же год учебы в старших классах Мэгги стала тетей. У нее появилась племянница Эмили. Мэгги страшно гордилась этим красивым и излучающим счастье ребенком. Но близость с малышкой порой ее пугала. Стоило ей отлучиться на пару минут, как ребенок начинал кричать. И в футбольной команде у Мэгги что-то не складывалось. Старый тренер ушел, его заменили два новых: мужчина и женщина. Новые тренеры, понаблюдав за ней, отправили ее в запас. Ее вызвали в учительскую. Она пришла. Тренеры стояли плечом к плечу. Ей сказали: «Послушай, мы решили отправить тебя в запас. У тебя прекрасное видение, но ты не умеешь отправлять мяч туда, куда нужно». Мэгги не понимала, справедливо ли это. А тем временем в команду приняли других игроков, в том числе и тех, кто только пришел в школу. Мэгги была расстроена и унижена.

Мэгги сдалась. Она всегда так поступала, сталкиваясь с трудностями. Когда кто-то критиковал ее, не давая себе труда при этом ободрить, что, мол, она не совсем безнадежна и бесполезна, – она все бросала и не пыталась исправиться. Она просто говорила: «Ну и черт с ним! Черт с ними со всеми!» Она бросала все, что любила. У нее не было советчиков, которые посоветовали бы ей расслабиться, встряхнуться и все обдумать. Например, начать играть в команде по-другому и доказать тренерам, что они ошибались. Ее отец был сильным, но слишком много пил. Когда его уволили оттуда, где он проработал всю жизнь, он пытался найти новую работу, но не знал, как это сделать.

Мэгги понимала, что новые тренеры считают ее нахальной выскочкой. Они думают, что она себя переоценивает. В Фарго не любят слишком самостоятельных, выбивающихся из общего ряда. Америке нужно, чтобы ты платил свои налоги. Мэгги повсюду мерещилась одна лишь несправедливость. Но все-таки были такие учителя, которые понимали, как с ней разговаривать. Мистер Нодель был таким. Есть люди, похожие на сверкающие экспрессы, стремительно несущиеся вперед, не сворачивающие в сторону. И она хотела быть такой же. Но иногда Мэгги напарывалась на острие собственных желаний. И лежала, израненная, а раскаиваться было слишком поздно и неуместно, да и не находилось никого, кто хотел бы ее спасти.

– Мистер Нодель преподавал у вас сначала литературу, потом вел уроки риторики и дискуссий. Почему вы начали общаться с ним на личные темы?

Ты думаешь: «Как отвратительны кустистые усы Хоя!» Сухощавые старики вызывают у тебя отвращение. Они напоминают о бабушке по отцовской линии. В твоём детстве она появлялась словно из-за угла, чтобы застать тебя за чем-то недозволенным. Хоя тоже часто удается застать тебя врасплох. Он смотрит на тебя как на неудачницу. После школы ты, конечно, прибавила в весе. Может быть, он знает, что его клиент виновен. Он наверняка это знает. Как бы то ни было, он смотрит на тебя так, словно удивлен, что Аарон мог на тебя польститься. Иногда тебе хочется швырнуть ему в лицо свои школьные фотографии. Чтобы люди увидели на них твою улыбку, твоё миниатюрное тело. Тебе хочется сказать Хоя, что он старый кретин. Наверняка у его жены во время секса болит голова – чаще, чем у любой другой женщины за всю историю неутоленных желаний.

– Извините, я не...

– Почему вы решили довериться ему и рассказали о своём опыте общения со взрослым мужчиной на Гавайях...

– Протестую, – вскакивает прокурор Джон Байерс. – Это противоречит закону о защите жертв изнасилования.

Ужасно, когда испытываешь благодарность к тому, кто должен тебя защищать, за то, что он наконец-то начинает это делать. Закон о защите не позволяет допрашивать жертв изнаси-

лования о других сексуальных контактах. Нельзя предъявлять доказательства, что женщина *иллюха* по определению.

Билет на самолет купил для нее муж ее сестры Мелии. Ей впервые предстояло лететь над океаном. Пятнадцать часов. Сама продолжительность полета была настоящей экзотикой.

Дейн и Мелия жили на Оаху. Дейн служил в Скофилде, а загорелая сестра ухаживала за маленькой дочерью. Мэгги еще не привыкла к тому, что теперь есть «Дейн и Мелия». В Фарго, где зимы кажутся бесконечными, Мэгги и Мелия были неразлучны. Старшая сестра больше не принадлежала Мэгги. Кроме того, она поселилась в тропической утопии, и от этого Мэгги страдала еще больше.

Поженились они в Фарго. Свадьбу устроили летом в соседнем Уайлд-Райсе. Мэгги была подружкой невесты. Ее платье шоколадного цвета было очень интересным: без бретелек, со множеством деталей и слоев. Более всего оно напоминало платье Белль из «Красавицы и чудовища».

После свадьбы Дейн первым полетел на Гавайи, без жены с ребенком. Так часто бывает, когда мужчина отслужил в армии и она изменила его. Он делал все наперед, уезжал, чтобы утвердить права на землю или починить сломанный водопровод.

Перед отъездом Мелия с Мэгги отправились за покупками. Мелия сказала, что на Гавайях все одеваются очень свободно. Никаких каблуков, только симпатичные сандалии и свободная, яркая одежда. Мэгги купила себе несколько топов и широких, летящих юбок. Особенно ей понравился бирюзовый топик без бретелек, который облегал и подчеркивал грудь и расширялся книзу. Его можно было носить как платье или с джинсами. К концу дня Мэгги прижимала к бедрам полиэтиленовые пакеты, словно перевернутые букеты. Она держала их крепко, с чувством благодарности, как будто эти покупки, пока еще не распакованные, были обещанием какого-то судьбоносного опыта.

Гавайи очаровали Мэгги с момента приземления самолета. Изумрудные деревья, яркие цветы. Красивый аэропорт. Мэгги впервые осознала, что белая кожа выдает в ней приезжую. Фарго был вакуумом. Или там просто было слишком холодно, чтобы остановиться и присмотреться. Теплые солнечные дни они проводили на пляже, наблюдая за малышкой и наслаждаясь жизнью. Девочка набирала полные горсти песка и рассыпала его, а потом бежала пробовать на вкус море. Мэгги и сама чувствовала себя новорожденной. Все вокруг было незнакомым. Птицы пели, как на другой планете. А такого тепла она вообще никогда не ощущала. А океан! Мэгги всегда любила плавать, но в такой воде еще никогда не бывала. Прозрачная синева, сверкающие стайки рыб. Мэгги с содроганием думала о ледяной Северной Дакоте, о темных и холодных озерах.

Однажды она отправилась к небольшому водопаду. Бурная темная вода падала с зеленой горы, разделяя ее вершину пополам, как живой трюфель. Гавайи оказались местом, где Мэгги постоянно приходилось носить купальник – возможности поплавать открывались буквально на каждом шагу.

Мэгги иногда думала, что некоторые люди живут так, словно знают: впереди их ждет следующая жизнь. У них будет новый шанс быть стильными, популярными, умными, богатыми и заниматься сексом. Они ведут себя так, словно в этой жизни можно что-то и упустить, и просто наблюдать за ней, как в кино. Мэгги была благочестивой католичкой и в перерождение душ не верила. Она хотела получить максимум от этой жизни. Она хотела испытать все, но не собиралась нарушать скрепы своей религии. Когда Мелия сказала ей, что беременна, Мэгги расстроилась. Заниматься сексом вне брака неправильно. Но малышка Эмили была совершенно невинной и милой девочкой. Невозможно представить, что она была рождена во грехе. Зато теперь у Дейна и Мелии общая фамилия. У них есть блендер. Ничто так не согласуется с католической верой, как чистый белый блендер.

Черный и белый цвета всегда привлекали Мэгги, но на Гавайях подобная ограниченность казалась неинтеллигентной. Гавайи со своими противоречиями заставили Мэгги задуматься. Она целыми ночами размышляла о себе. Долго гуляла по пляжу, смотрела, как пальцы зарываются в песок, и думала, как удивятся домашние, когда она вернется такой, какой стала здесь.

Пару раз Мэгги оставалась с племянницей, чтобы новоиспеченные родители могли провести вечер вместе, а иногда Дейн брал с собой Мэгги к его друзьям. Мужчины были высокими, коренастыми, громкими. Мэгги смело пила и много смеялась. Она знала, что это хороший способ влиться в любую компанию.

Как-то вечером Мэгги сказала, что собирается на вечеринку к одному из тех, с кем познакомилась через Дейна. Мелия попросила мужа присмотреть за Мэгги и не спускать с нее глаз. Мэгги и Дейн приехали на вечеринку одетыми как обычно, но все оказались в тогах и халатах. Красные бокалы сверкали среди белых халатов, как яркие лампочки.

– Черт, – сказала Мэгги своему зятю. – Ты что, не знал, что на этой вечеринке все должны быть в тогах?

– Я забыл, – ответил Дейн.

К ним подошел товарищ Дейна по армии, Матео. Он хлопнул Дейна по плечу, представился Мэгги. Он был настоящий кубинец. Широкоплечий, обаятельный мужчина.

– Да вы не одеты! – воскликнул он.

– Это он виноват, – ответила Мэгги, указывая на Дейна.

Дейн и Мэгги вслед за Матео прошли в его темный, полупустой дом, и он достал им из маленького комода две белые простыни. Мэгги переделалась в ванной. Она накинула простыню на плечо и завязала узел за шеей. В миниатюрном душе стоял единственный большой флакон шампуня – ни чистящих средств, ни сеточки, задерживающей выпавшие волосы. В ванной пахло чистым мужчиной.

Она вернулась к гостям, выпила «Малибу». Коктейль скользнул в ее горло, как гель. Она снова много смеялась и чувствовала себя ослепительной шестнадцатилетней девушкой.

Матео сказал, что она забавная и ему нравится ее смелость. Они много смеялись. Когда она говорила, он смотрел ей в глаза. Матео рассказал, что только что расстался с женой и все еще переживает. То ли он произнес «переживает», то ли об этом говорила Мелия... Матео был тридцать один год. Для Мэгги в ее шестнадцать это было все равно как пятьдесят семь. У него было время жениться и развестись, как у нее было время зачитываться книжкой вместо того, чтобы выполнять домашнее задание.

Мэгги выпила слишком много, и ей стало плохо. Она спряталась за припаркованной машиной и склонилась над газоном, одной рукой удерживая волосы. Появился зять с одним из приятелей. Увидев ее, они засмеялись. Мэгги подняла голову. Она ничего не имела против шуток, потому что умела с ними справляться. Но ей было радостно, что в этот неудачный момент ее не застал Матео. Все остальные были ей как братья.

Мелия и Дейн не удивились, когда через пару дней в их доме появился Матео. Одет он был приличнее, чем обычно. От него пахло одеколоном – мужской запах джунглей и зелени. Матео пригласил Мэгги поужинать. Он произвел на девушку огромное впечатление. Был такой красивый. Приехал на настоящей мужской машине, в которой пахло освежителем воздуха и тем же одеколоном. Мэгги вспомнила парней из Фарго, которые никогда не помогали ей даже прикурить. Матео открыл ей дверцу машины. Они поехали в «Эплбиз». Она заказала любимое блюдо: жареного цыпленка. Матео спросил, не хочет ли она еще что-нибудь, чтобы убедиться, что она не стесняется.

– Ты уверена, что больше ничего не хочешь? – спросил он. – Можешь не изображать принцессу. Я сам ем страшно быстро.

Рот у Мэгги был набит едой, поэтому она лишь улыбалась. Она вообще много улыбалась в тот вечер. Матео расплатился. Мэгги привыкла жить в холодном, сером месте, где парни

никогда не интересовались, сыта ли она и счастлива ли. А сейчас она была на Гавайях, с настоящим мужчиной, на настоящем свидании. Вдали шумел прибой. Воздух благоухал, и все вокруг пахло так же, как ее любимый ананасовый блеск для губ.

После ужина они пошли на соседний пляж. Прохладный песок казался шелком под ее ногами. Когда-нибудь она узнает, что многие мужчины так делают: любят женщины во время прогулки. Но Мэгги было всего шестнадцать. Матео казался ей уникальным. Голову ей кружил ром. Она чувствовала, что походка стала нетвердой, но ей казалось, что она все контролирует.

Матео предложил сесть и полюбоваться океаном. Они сели, прижав колени к груди, и стали смотреть на океан, как люди с картины Сёра. Мэгги пыталась сконцентрироваться на набегающих темных волнах. Матео придвинулся ближе. Он широко улыбался, но рот его был закрыт. Как многие девушки ее возраста, Мэгги представляла собой пустой, непуганый, девственный мир. Мужчины вступают в этот мир и превращают девушку в город. Когда они уходят, после них остается след – как дерево теряет цвет под лучами солнца, прожигаящими его листву в одном и том же месте.

– Почему ты улыбаешься? – спросила Мэгги.

– Потому что, – ответил Матео, – мне хочется тебя поцеловать.

Как-то ярким гавайским утром Матео заехал за Мэгги на мотоцикле. Он привез ее в мотоклуб, где среди зеленых холмов байкеры устраивали завтрак в складчину. Мэгги оказалась единственной столь юной девушкой. Остальные женщины были настоящими байкершами, суровыми и жесткими, в черной коже. Мэгги почувствовала себя не в своей тарелке, но ей это нравилось.

Она надела свой бирюзовый топ, как платье. Ее загорелые ноги подрагивали рядом с ногами Матео под рев мотора. Первые повороты ее напугали, но скоро она перестала думать об опасности. Каждый поворот давал возможность отклониться в другую сторону и вытянуться. У Матео была мускулистая фигура и мелкие морщинки в уголках глаз. Ей нравилось прижиматься к его спине. Там, в Фарго, ее родители наверняка пьянствуют. **Когда она дома, ей нужно думать о каждом их шаге. Но здесь, на Гавайях, она свободна. Она взяла отпуск от страха и несправедливости.**

Они катались весь день. В какой-то момент она почувствовала острую боль. Ей показалось, что ее укусила пчела, но потом она поняла, что это камешек отлетел с дороги и впился ей в руку. Она не стала жаловаться. Ей не хотелось ни делать, ни говорить ничего неприятного. Мотор умолк, когда Матео подъехал к своему дому в тенистом тупике. Все дома здесь были на сваях, как сказочные деревья на домах серферов-хиппи.

Матео жил с соседом, но его не оказалось дома. Мэгги видела, что в этом доме Матео прожил недолго. Комната его была пустой и темной. Перевернутые мусорные корзины служили столиками и тумбочками. Похоже, он не захватил ничего из прежней жизни – лишь зажигалку и несколько брюк. Мэгги недавно побывала на свадьбе сестры. Ей казалось диким, что этот мужчина женился на женщине, а теперь живет в пустой комнате, где кровать придвинута к стене. А в холодильнике только пакеты с уткой в соусе, пиво и черствый хлеб.

Мэгги хотела того, что должно было произойти, больше, чем он. Матео не знал, что она девственница. Что всего несколько месяцев назад она разругалась с сестрой из-за того, что та забеременела вне брака.

Мэгги легла на кровать первой. Они трахались двадцать минут. И больше, и меньше, чем она ожидала. С одной стороны, физическое действие было знакомо, разбито на понятные части. Само совокупление оказалось более непристойным, чем она представляла. Но теперь она была в клубе. Она – одна из тех, кого толкают в постель и кто лежит на влажных пятнах.

Больше всего ее поразили вещи неосязаемые. Секс для Мэгги был в том, что он заметил порез от камешка на ее руке. В том, что он встревожился из-за того, что она не плакала и молчала о своей боли. В том, как он снял свои трусы. В странной нежности кожи. Все это она запомнит на долгие годы.

Когда все кончилось, он не повез ее домой сразу. Они долго лежали в постели и разговаривали. Он расспрашивал ее про Фарго и рассказывал про Кубу. Она слушала его, ее рука лежала на его груди, а грудь поднималась и опускалась, как у животного. Она вся сосредоточилась на своей руке, боясь, что та слишком сильно давит ему на грудь – или, наоборот, слишком слабо, как детская. Ей не хотелось показаться ему неопытной девственницей.

В конце концов, она больше не девственница.

Байерс отклонил вопросы про Гавайи.

– Это вопросы о сексуальных отношениях.

– Я спрашивал, доверяли ли вы моему клиенту настолько, чтобы рассказать об этом?

– Да, – отвечаешь ты.

– И как вы рассказали об этом?

– Я написала ему письмо.

– Отлично. Почему именно мистеру Ноделю?

– Потому что мне было очень стыдно, а он уверял, что не будет осуждать.

– Отлично. И чего вы ожидали от мистера Ноделя, написав ему это письмо?

Ты думаешь об этом. На некоторые вопросы отвечать в присутствии брата неловко, хотя он почти все знает. От таких мыслей у тебя волоски поднимаются на руках. Все узнают о твоих глупых, непристойных, психотических поступках. Ты вспоминаешь, как написала письмо дома и передала ему после урока. Ты помнишь, как приятно было рассказать обо всем человеку, который не осудит твой выбор. Все в мире осудили бы тебя, кроме этого мужчины. Твои подруги смотрели бы на тебя, как будто ты собираешься отнять у них парней. Мать посмотрела бы на тебя так, словно в твоем животе уже что-то растет, эмбрион с головой взрослого мужчины. Отец смотрел бы на тебя так, словно решил больше никогда тебя не обнимать.

Но мистер Нодель хотел, чтобы тебе было хорошо. Он не набросился на тебя. Он остался твоим учителем. А тебе было так нужно, чтобы тебя кто-то выслушал! Ты хотела сказать: «Да, я занималась сексом с тем парнем на Гавайях, и это было здорово, и океан шумел, и я думала, что люблю его, а он не полюбил меня, но я чувствовала себя любимой, сексуальной и красивой – и самой собой». Вот так: «Это Мэгги!» Как этот ублюдок Хой может спрашивать об этом? Или он из тех, что любят рассказывать своим женам истории в стиле порно? Ему, наверное, приятно узнать подробности.

Но ты ничего этого не говоришь. Потому что Хой и все остальные живут в отрицании. Они даже в мыслях своих не бывают откровенны, не то что в зале суда, где все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя. В людях нет ничего человеческого. Ты проводишь ладонью по руке, чтобы пригладить волоски, вставшие дыбом под напором ненависти к себе.

– Я хотела, чтобы он знал, что этот семестр будет для меня сложным... – говоришь ты. – Да, тот семестр был для меня сложным...

А потом тебя спрашивают, какие таблетки лежат в твоей сумочке. Ты отвечаешь, как на иностранном языке:

– Виванс, 50 мг, от синдрома дефицита внимания; ондансетрон, 4 мг, противорвотное; дулоксетин, 60 мг, дженерик симбалты, антидепрессант; абилифай, 2 мг, в поддержку дулоксетина от тревожности и депрессии; клонопин, 1 мг, еще один антидепрессант.

Юристы скрипят перьями. Ты смотришь на них и вся подбираешься.

В школе Мэгги почувствовала себя ужасно одинокой. Она уже не могла с этим справиться. Она совершила ошибку и теперь стала изгоем. Теперь ей приходится пить в углу молоко из пакетов. Хуже того, она лишилась не только друзей, но и семьи. Старшие классы она будет вспоминать как время, когда она была еще настолько наивна, что доверялась людям, которым нельзя было доверять.

Хизер С. – невзрачная, носит очки, любит танцы и сплетни – всем растрезвонила о поездке Мэгги на Гавайи. Она рассказала все то, что люди обычно обсуждают только за спиной. Глупая шлюха, стерва и геронтофилка. Если бы Мэгги услышала все те грязные пересуды, что велись за ее спиной, собрала бы их в фильм и увидела на экране, то, наверное, покончила бы с собой. Хизер рассказала Риз, лучшей подруге Мэгги еще с детского сада, про Матео. Это было бы еще ничего, но трещина уже появилась. А потом она рассказала Зое, страшной сплетнице, на год старше Мэгги. А еще Хизер сказала Зое, что Мэгги называла ее грязной мексиканкой, хотя это была неправда.

Огонь разгорался в окрашенных бледно-желтым коридорах, в спортзале, в вонючей столовой. Парни подходили к Мэгги и говорили, как если бы это было на сорок лет раньше: «Слышал, что тебя трахнул латинос!» Девчонки еще хуже. Они ничего не говорили в лицо. Они лишь переглядывались. От них исходила угрожающая энергия, а Мэгги все еще пыталась вести себя так, словно оставалась одной из них. **Но под этими взглядами она чувствовала себя запачканной. Они считали ее шлюхой, отдавшейся какому-то грязному темному типу, не лучше наркомана.** Какая сучка на такое способна?

Мэгги не могла ничего сказать старшим девочкам, которые были изящнее, красивее и мудрее. Однажды, в первую неделю учебы, она была в туалете, когда туда зашли старшеклассницы и заговорили про Матео: «Наверное, он настоящий извращенец, раз захотел быть с Мэгги». Они говорили о мужчине, который был внутри ее, так, словно знали его и считали ничтожеством. Когда они ушли, она натянула трусики, но не вышла из кабинки. Она проплакала всю перемену.

Она чувствовала себя нечистой и вульгарной. Но гораздо сильнее мучили ее мысли о мужчине, с которым она лишилась девственности. Она не могла поговорить с ним. Не могла написать ему электронное письмо или сообщение в фейсбук, не могла увидеть его лицо в скайпе – вообще ничего не могла. Она не могла рассказать об этом родителям – да и не хотела. Родители, само их существование заставляло ее чувствовать себя проституткой. Одноклассники относились к ней как к прокаженной. Никто во всем мире не хотел быть на ее стороне.

Дома она не улыбалась и не ела, но старалась вести себя как обычно, чтобы родители не думали, что она скучает по своему насильнику. Она перекладывала еду на тарелке, чтобы сделать вид, что она что-то съела.

Как-то вечером, перед сном, она села за стол в своей комнате и почувствовала себя самым одиноким человеком во вселенной. И вдруг ей в голову пришла мысль – и показалась разумной. Ей явился образ возможного спасителя.

Она начала писать письмо от руки. Ей всегда нравилось писать – так ей лучше думалось. Она писала письма отцу, когда он выводил ее из себя. И в письме тон ее смягчался.

«*Нодель*, – писала она (потому что для нее он был Нодель или А.Н., а не мистер Нодель – ведь он оставался учителем, но уже был другом), – *разрешите мне рассказать, почему этот семестр будет трудным...*»

А потом она описала секс с Матео, рассказала, что это был ее первый раз и это могло стать чем-то важным, но не стало. После этого она больше не чувствовала себя чистой. Она перестала быть чадом Божиим. Чистота исчезла, и на ее месте появились совершенно новые чувства. То, как он позаботился, наестся ли она цыпленком. То, как он протянул ей свою простыню, чтобы она сделала себе тогу, – тогда они еще не были близки. Как он расстроился, что она не сказала ему про камешек на дороге. Как он смеялся над ее шутками. И как он смотрел на нее, словно

на только что пойманную рыбу. И как он, в отличие от парней из школы, не стеснялся своего желания. Кроме того, она описывала себя *его* глазами... Ее длинные, разметавшиеся волосы... Ее сильные бедра и нежную грудь... Она много что рассказала Ноделю о чувствах, возникших во время секса, о том, что она раньше об этом слышала и считала избитым клише, пока все это не случилось с ней... Она рассказала, как пробудились ее чувства – почти сразу же, как только они переспали.

А еще она рассказала о том, как все закончилось.

Через несколько дней после этого события Мелия высадила Мэгги у дома Матео, где они собирались устроить пикник. Дом на сваях приветливо светился в сумерках.

– Во сколько тебя забрать?

Мэгги сказала, что ей хочется остаться.

– Я буду спать на диване, – сказал Матео.

А когда они оказались в постели, Мэгги сказала то, чего не собиралась. Слова сами собой слетели с языка.

– Думаю, я люблю тебя, – сказала она.

Да, точно, так и сказала. И сразу почувствовала, как вспыхнули от стыда щеки. Она знала, что он не ответит. И заплакала.

– Эй, – сказал он.

Ей не хотелось смотреть на него. Может быть, он выглядит теперь еще лучше, чем двадцать секунд назад, когда она еще могла замечать его недостатки.

Он обхватил ее лицо. Сказал, что она много для него значит, но пока что он не может ее любить.

Боль не исчезла, но изменилась. Как розовый цвет после удара становится синяком.

Мэгги написала учителю, что несколько недель жизнь протекала своим чередом, она часто встречалась с друзьями Матео. Она не была его подружкой, но и не была посторонней. Каждый день, когда они были вместе, возникали новые маленькие ритуалы. Надо причесаться, увлажнить кожу. Оаху – это гигантская ракушка. Она жила внутри ее, видела синеву большого мира в щель между створками и бродила по перламутровым сводам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.